

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

За іюнь 1872 года .

14 іюня.

1872 г. іюня 14 дня, въ общемъ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора оной архимандрита *Филарета*, присутствовали: помощники ректора по учебной части: *Д. Поспѣховъ*, *И. Малышевскій*, и *В. Пльвицкій*; члены Совѣта: *И. Бобровницкій*, *К. Скворцевъ*, *П. Лашкаревъ*, *С. Сольскій*, *А. Вороновъ*; экстраординарные профессеры: священникъ *А. Воскресенскій*, *Ф. Терновскій*, *Н. Петровъ* и *П. Лилицкій*. Не присутствовали: инспекторъ архимандритъ *Сильвестръ*, по болѣзни и ординарный профессоръ *Н. Щеголевъ*.

I. *Слушали*: А) Представленіе комиссіи богословскаго отдѣленія отъ 12 іюня сего года: «Разсмотрѣвъ сочиненія писанныя на ученую степень кандидата студентами Академіи III-го курса, богословскаго отдѣленія: протосингелломъ Сильвестромъ Баланеско «объ аскетахъ въ древней іудейской церкви», Андреемъ Борковскимъ, «о книгѣ еkkлeзіастъ», Ксенофонтомъ Стояновскимъ «сличеніе исторической части посланія апостола Павла къ Галатамъ съ сказаніями книги Дѣяній апостольскихъ о св. апостолѣ Павлѣ», Маркеллиномъ Олесницкимъ «о книгѣ Іова», Иваномъ Платономъ»

«апостолъ Іаковъ и его посланіе», Митрофаномъ Ѳедоровымъ «отличительный характеръ Евангелія Іоанна», Митрофаномъ Романовскимъ «нагорная проповѣдь Іисуса Христа», священникомъ Николаемъ Веселиновичемъ «о судахъ и наказаніяхъ у древнихъ евреевъ», Василиемъ Григоревскимъ «историческое изложеніе ученія объ искупленіи Іисусомъ Христомъ рода человѣческаго», Михаиломъ Тарасѣвъ чемъ «взаимное отношеніе трехъ первыхъ Евангелій» и Михаиломъ Казацкимъ «Іисусъ Христосъ, по сказанію трехъ первыхъ Евангелистовъ». Коммиссія богословскаго отдѣленія, соглашаясь съ отзывами о нихъ, данными рецензентами— профессоромъ архимандритомъ Фларетомъ, профессоромъ архимандритомъ Сильвестромъ, профессоромъ Дмитріемъ Поспѣховымъ, профессоромъ Константиномъ Скворцовымъ, экстраординарнымъ профессоромъ Степаномъ Сольскимъ и доцентомъ Акимомъ Олесницкимъ, признала всѣ эти сочиненія удовлетворительными для той цѣли, съ какою они были писаны, за исключеніемъ сочиненія священника Николая Веселиновича, которое хотя по содержанію своему и могло бы быть принято за кандидатскую диссертацию, но по изложенію и языку оказалось такъ необработаннымъ, что коммиссія, на основаніи правилъ объ ученыхъ степеняхъ, не нашла возможнымъ признать его удовлетворительнымъ, считая однакожъ долгомъ справедливости обратить вниманіе Совѣта Академіи, что литературные недостатки сочиненія студента Веселиновича, какъ серба, зависѣли главнымъ образомъ отъ недостаточнаго усвоенія имъ духа русскаго языка, и затрудненія выражать свои мысли правильно и чистою рѣчью, и потому заслуживаетъ можетъ быть, болѣе снисходительнаго сужденія».

а) *Отзывъ доцента Акима Олесницкаго о сочиненіи студента протосингелла Сильвестра Баланеско*: «Сочиненіе студента богословскаго отдѣленія протосингелла Сильвестра Баланеско, написанное на тему: «аскеты въ древней іудейской церкви»,

представляет разборъ четырехъ вопросовъ: 1) о назорействѣ (его происхожденіи, цѣли, значеніи, обрядахъ и жертвахъ, его сопровождающихъ); 2) о рехабитахъ (различныя мнѣнія о происхожденіи рехабитовъ и устава Іонадава древнія и новѣйшія); 3) объ ессеяхъ (свидѣтельства объ ихъ обществѣ; ихъ образъ жизни и начала теоретическаго ученія) и 4) о еерапевтахъ (здѣсь рѣшается вопросъ, были ли еерапевты христіанами, какъ думали вслѣдъ за Евсевіемъ многіе отцы церкви, или принадлежали къ церкви ветхозавѣтной,—въ пользу послѣдняго мнѣнія).

Разсмотрѣніе каждаго изъ этихъ вопросовъ *in sich und fur sich* сдѣлано вполне обстоятельно. Авторъ принялъ во вниманіе многія свидѣтельства древнихъ іудейскихъ писателей о своемъ предметѣ и изслѣдованія новѣйшихъ историковъ критиковъ Неандера, Гретца, Юста, Евальда и др., выбирая обыкновенно среднее между противоположными направленіями какъ правильное рѣшеніе вопроса. Особенно обстоятельно разсмотрѣнъ у нашего автора вопросъ о назореяхъ, происхожденіе которыхъ онъ довольно оригинально полагаетъ въ стремленіи лучшей партіи жившихъ въ Египтѣ до Моисея евреевъ поддерживать искусственными средствами патріархальную чистоту жизни, въ виду болѣе и болѣе усиливавшагося содружества съ язычествомъ со стороны большинства евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ Моисей въ своихъ постановленіяхъ вездѣ говоритъ о назорействѣ, какъ установленіи уже до него извѣстномъ въ народѣ.

Недостаетъ сочиненію главнымъ образомъ историческихъ подтвержденій для его положеній и взаимнаго соотношенія между разсматриваемыми имъ обществами. Этотъ недостатокъ историческихъ сопоставленій особенно чувствителенъ въ вопросѣ объ ессеяхъ,—изъ которыхъ нѣкоторые критики выводятъ самое христіанство,—и тѣмъ болѣе, что другое менѣе замѣчательное общество еерапевтовъ, авторъ исключительно разсматриваетъ со стороны его отношенія къ христіанству.

Вообще сочиненіе удовлетворительно по своему содержанію; имѣетъ характеръ и тонъ серьезный, даже нѣсколько суровый; написано точною, вполне правильною русскою рѣчью, что особенно пріятно видѣть въ авторѣ иностранцѣ.

б) *Отзывъ ординарнаго профессора Константина Скворцова о сочиненіи студента Ксенофонта Стояновскаго: «Сочиненіе состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, которымъ предшествуетъ введенію.*

Въ началѣ сочиненія авторъ говоритъ о предметѣ современныхъ историко-критическихъ занятій западной богословской науки, и объ отношеніи къ этимъ занятіямъ избраннаго имъ для изслѣдованія вопроса. Показываетъ положеніе этого вопроса въ наукѣ, интересъ отъ изслѣдованія его, и наконецъ цѣль, методъ и характеръ самаго изслѣдованія.

Въ 1-мъ отдѣлѣ знакомитъ читателя съ отрицательной стороной вопроса: показываетъ общій характеръ возраженій и тѣ крайности, въ которыя впадаетъ отрицательная критика. И такъ какъ для рѣшенія вопроса о степени различія между книгой Дѣяній и посланіемъ къ галатамъ требуется сличить эти памятники—между собою; то авторъ прежде всего заботится о томъ, чтобы найти критерій, которымъ изслѣдователь могъ бы повѣрять себя. Этотъ критерій онъ указываетъ въ исторической части посланія къ галатамъ, разсмотрѣніемъ которой и хотеть ограничиться.

Во 2-мъ отдѣлѣ въ общихъ чертахъ изложено историческое содержаніе посланія къ галатамъ и показаны какъ тѣ пункты, о которыхъ согласно говорится въ обоихъ памятникахъ, такъ равно и тѣ, о которыхъ сказано въ памятникахъ, по видимому несогласно. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію автора, и книга Дѣяній и посланіе къ галатамъ согласно говоритъ о томъ, что Па-

велъ своимъ обращеніемъ непосредственно обязанъ Іисусу Христу, что онъ послѣ обращенія своего оставался и проповѣдывалъ тамъ, гдѣ получилъ откровеніе. Несогласно: о путешествіи Павла въ Аравію, о пребываніи Павла въ Іерусалимѣ, о проповѣди евангелія между язычниками.

Самый главный отдѣлъ въ сочиненіи есть 3-й, посвященный рѣшенію возраженій, дѣлаемыхъ отрицательной критики.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ самый фактъ обращенія апостола Павла, говоритъ о мѣстахъ первой дѣятельности этого апостола, о путешествіи его въ Іерусалимъ; объ отношеніи апостола Павла къ обществамъ іудейскимъ на первыхъ порахъ его миссіонерской дѣятельности, и наконецъ уясняетъ самую дѣятельность апостола Павла.

Результатомъ изслѣдованія служитъ убѣжденіе автора въ томъ, что нѣтъ различія между исторической частію посланія къ галатамъ и сказаніями книги Дѣяній. Конечно, къ такому убѣжденію авторъ пришелъ послѣдно. Совершеннаго согласія между двумя памятниками онъ не доказалъ, да едвали и могъ доказать при скудости тѣхъ средствъ, какими располагалъ. Но это однакожъ не мѣшаетъ сочиненію быть вполне удовлетворительнымъ для доставленія автору права на степень кандидата. Избравъ для изслѣдованія вопросъ весьма трудный, авторъ умѣлъ, и даже часто посредствомъ самыхъ простыхъ соображеній, давать на него вѣрный отвѣтъ. Будучи знакомъ со многими иностранными изслѣдованіями по этому предмету, результатомъ, которыхъ по большей части служитъ отрицаніе согласія между книгой Дѣяній и посланіемъ къ галатамъ, авторъ не только не позволялъ себѣ увлекаться этими изслѣдованіями, но старался показать ихъ невѣрность или же односторонность. О предметахъ, которые могутъ имѣть соприкосновеніе къ заданному вопросу, но не относятся къ нему прямо, онъ почи-

талъ лишнимъ разглагольствовать; многихъ, обременяющихъ сочиненіе цитатовъ избѣгалъ старался писать просто въ надлежащемъ порядкѣ и языкомъ правильнымъ».

в) *Отзывъ доцента Акима Олесницкаго о сочиненіи Андрея Борковского.* «Послѣ разсмотрѣнія надписанія книги и характера древнееврейской мудрости, авторъ подвергаетъ подробному анализу составъ книги «Екклезіастъ» какъ самой по себѣ въ ея содержаніи и формѣ (рѣчахъ и строфахъ), такъ и въ ея отношеніи къ другимъ книгамъ, особенно къ книгѣ Притчей. Во всей книгѣ «Екклезіастъ» авторъ находитъ четыре рѣчи совершенно почти тождественныхъ по содержанію и въ одинаковомъ порядкѣ говорящихъ: а) о ничтожествѣ человѣческихъ стремленій и б) о необходимости избрать благочестиво веселое время провожденіе. Что касается времени написанія, то нашъ авторъ видитъ въ книгѣ Екклезіаста, почти въ каждомъ стихѣ, арамейскія формы, обороты, слова и частицы, и на этомъ основаніи сопоставляетъ книгу Екклезіастъ съ извѣстными произведеніями еврейской литературы послѣ плѣна вавилонскаго. Съ другой стороны, «мрачное», по мнѣнію автора, «міросозерцаніе» книги приводитъ его къ мысли, что книга принадлежитъ тому времени, когда народъ еврейскій, по возвращеніи изъ плѣна, почувствовалъ, яко бы, себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ на полное благоденствіе, при деспотизмѣ персидскихъ сѣтраповъ, вслѣдствіе чего началъ ослабѣвать въ вѣрѣ и даже отвергать истину божественнаго міроуправленія. Изъ того, что въ книгѣ говорится о *грабежахъ въ провинціяхъ*, о *невоздержности чиновниковъ и богатей*, о *доносахъ и тайной полиціи* авторъ склоняется къ тому, что книга написана около царствованій Лжесмердиса, Ксеркса и Артаксеркса Лонгимана.

Хотя въ своемъ изслѣдованіи авторъ основывается болѣе на добытыхъ и иногда не точныхъ положеніяхъ (особенно

много авторъ пользуется Евальдомъ) и хотя нѣкоторые изъ его доводовъ не довольно натуральны (напр. его натянутое снесеніе общихъ мѣстъ книги Екклесіастъ съ обстоятельствами исторіи еврейской послѣ плѣна): но во всякомъ случаѣ его сочиненіе достаточно серьезно, не лишено научнаго интереса. Написано сочиненіе просто и ясно, безъ фразъ и лишняхъ распространеній. Вообще по моему мнѣнію сочиненіе можетъ считаться удовлетворительнымъ для степени кандидата».

г) *Отзывъ ординарнаго профессора архимандрита Филарета о сочиненіи Маркеллина Олесницкаго*: «Въ сочиненіи своемъ «9 книгѣ Іова» авторъ опредѣляетъ: 1) внѣшнюю форму книги, 2) характеръ ея, 3) основную идею и развитіе ея въ цѣломъ произведеніи, 4) историческій характеръ книги, 5) мѣсто и время ея написанія и, наконецъ 6) защищаетъ цѣлость и единство ея.

1) Говоря о *внѣшней формѣ* книги, авторъ доказываетъ, что книгу эту нельзя назвать ни *драмой*, для которой не достаетъ въ ней дѣйствія, ни *эпосомъ*, который не могъ быть у евреевъ—народа исключительно религіознаго, но что она есть *дидактическое стихотвореніе, въ діалогической формѣ, съ драматическимъ развитіемъ*.

2) Говоря о *характерѣ* книги, авторъ относитъ ее къ той части библейской литературы, которую обыкновенно называютъ нравственною философіей, къ которой относятся кн. Притчей, Пѣснь Пѣсней, значительная часть псалмовъ, Екклесіастъ и нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ произведеній еврейской письменности. Поэтому поводу авторъ входитъ въ разсужденіе о возникшемъ у евреевъ особенномъ универсальномъ направленіи духа, выразившемся въ образованіи философской школы, извѣстномъ подъ именемъ *хокмы* (חכמה), и а) показываетъ характеръ и направле-

ніе этой школы: философія ея (хокма) выражалась въ гномѣ или дидактическомъ изреченіи, проникнута содержаніемъ религіознымъ и обращена болѣе на практическую, чѣмъ спекулятивную цѣль; б) дѣлаеть краткій обзоръ хокмической литературы и в) входя въ разсмотрѣніе книги Іова, видитъ въ ней скорѣе выраженіе характера и духа общаго всѣмъ семитамъ, чѣмъ явленіе исключительной національной жизни евреевъ.

3) Опредѣляя идею книги Іова, авторъ пересматриваетъ критически мнѣнія экзегетовъ и критиковъ объ этомъ предметѣ. При написаніи этой книги авторъ ея не имѣлъ въ виду: а) ни выставить несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи; б) ни въ лицѣ Іова представить состояніе израиля въ плѣну; в) ни провести идею мудрости или идею безсмертія; г) не думалъ также, какъ представляетъ Евальдъ, проводить мысль, что на страданія должно смотрѣть, какъ на чистую внѣшность, которая не имѣетъ никакого отношенія къ внутреннему достоинству человека, къ его безсмертному духу. По мнѣнію автора, писатель книги Іова хотѣлъ показать въ ней, что цѣль страданія Іова была не испытать только праведника, а главнымъ образомъ восполнить недостатокъ его, привести его къ болѣе глубокому самопознанію и къ всегдашней готовности смиренія и преданности Богу. Эту главную мысль книги авторъ старается оправдать въ подробномъ разборѣ содержанія всей книги, указывая ея планъ и расположеніе частей.

4) Говоря объ историческомъ характерѣ книги, авторъ держится того мнѣнія, что книга Іова не есть ни чистая исторія, ни чистый вымыселъ, но въ основаніи ея лежитъ историческое событіе, представленное въ поэтической формѣ съ цѣлію дидактическою.

5) Говоря о происхожденіи книги Іова, авторъ доказываетъ, что она: а) написана не въ Египтѣ или въ Аравіи, какъ дума-

ють критики, но въ Палестинѣ, и при томъ не иначе, какъ израильяниномъ, б) происхожденіе свое получила не раньше времени Соломонова и не позже конца царскаго періода; при чемъ авторъ критически разбираетъ всѣ другія мнѣнія какъ о раннемъ ея происхожденіи, такъ и о позднемъ—послѣ плѣна вавилонскаго.

б) Въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ защищаетъ подлинность пролога и эпилога книги, также рѣчей Эліуа и др. частей книги, кои нѣкоторыми критиками считаются за позднѣйшія вставки и добавленія къ книгѣ.

Такимъ образомъ сочиненіе автора, судя по вопросамъ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ занимается, представляетъ *полное библиографическое обозрѣніе* книги Іова. Полнымъ можетъ быть названо оно еще потому, что авторъ не обходитъ ни одного возраженія или частнаго мнѣнія, относящихся къ предметамъ его изслѣдованія, каждое изъ нихъ обсуждаетъ и критически разрѣшаетъ. Сочинитель для обстоятельнаго обозрѣнія своего предмета, пользуясь хорошимъ знаніемъ новыхъ языковъ, ознакомился съ литературою его, особенно съ лучшими новѣйшими представителями библейской науки, и цитуетъ ихъ сужденія съ хорошимъ знаніемъ самыхъ теорій ихъ. Но при этомъ авторъ вездѣ старается быть независимымъ отъ авторитета, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (наприм. въ опредѣленіи идеи книги Іова) очень удачно высказываетъ свои личныя сужденія. Мысль живая, логичная и стройная, выраженіе свободное и легкое. Въ изложеніи замѣчается нѣкоторая растянутасть; сочиненіе больше выиграло бы, если бы изложено было сжатно и короче. Мѣстами прорываются выраженія, не свойственныя солидному изслѣдованію. По обширности труда (болѣе 70 листовъ), по постановкѣ входящихъ въ него вопросовъ и ихъ разрѣшенію, по изложенію и языку, сочиненіе это признаю весьма удовлетворительнымъ для полученія кандидатской степени».

д) *Отзывъ ординарнаго профессора Дмитрія Поспѣхова о сочиненіи студента Ивана Платонова*: «Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части авторъ занимается изслѣдованіемъ вопроса о личности апостола Іакова, автора извѣстнаго соборнаго посланія, и приходитъ къ заключенію, что это никто иной, какъ Іаковъ—братъ Господень; сынъ Іосифа, епископъ Іерусалимской церкви, а не Іаковъ Адфеевъ, какъ думаютъ и доказываютъ многіе западные ученые.

Опредѣливши такимъ образомъ личность апостола Іакова, во второй части сочиненія своего авторъ изображаетъ жизнь и дѣятельность этого апостола Христова, его отличительный характеръ и значеніе въ христіанской церкви время апостольскихъ и переходя за тѣмъ къ его посланію кратко обозначаетъ время, обстоятельства и цѣль написанія этого посланія.

Обѣ эти части сочиненія служатъ только введеніемъ и приготовленіемъ къ третьей, самой главной и существенной, гдѣ авторъ входитъ въ довольно подробный и обстоятельный анализъ содержащагося въ этомъ посланіи ученія.

При анализѣ ученія апостола Іакова, содержащагося въ его посланіи, авторъ поставляетъ задачею своею выяснитъ и опредѣлитъ существенный и отличительный характеръ ученія этого апостола Христова и потому останавливаетъ свое вниманіе только на самыхъ главныхъ и характеристическихъ пунктахъ его ученія. Такихъ пунктовъ въ ученіи апостола Іакова онъ различаетъ три: 1) ученіе апостола Іакова о *сущности христіанства*, понимаемаго съ субъективной стороны — какъ *вѣра*, живая и дѣятельная, въ противоположность чисто теоретическому знанію, мертвому и недѣятельному, а съ объективной — какъ *совершенный законъ* духа и свободы, въ противоположность несовершенному закону ветхозавѣтному, закону внѣшней заповѣди, исполняемой по чувству страха наказанія... 2) *ученіе о грѣхѣ*, какъ отчужденіи духа отъ нравственно-религіозной жизни — божественной и пристра-

стіи его къ чувственной жизни — мірской; и наконецъ 3) *ученіе о спасеніи*, какъ освобожденіи отъ грѣха и новой благодатной жизни со Христомъ въ Богѣ.

Излагая ученіе апостола Іакова объ этихъ предметахъ довольно подробно и обстоятельно, авторъ постоянно сопоставляетъ его съ ученіемъ объ этихъ предметахъ другихъ апостоловъ, особенно же съ ученіемъ апостола Павла, и чрезъ это сопоставленіе довольно удачно выставляетъ на видъ какъ общія его черты, сходныя съ ученіемъ апостольскимъ вообще, такъ и характеристическія его особенности, зависящія отъ особенностей личнаго настроенія и общественнаго положенія въ церкви апостольской апостола Іакова.

Изложивши такимъ образомъ всѣ главные пункты въ ученіи апостола Іакова порознь, авторъ въ заключеніе дѣлаетъ краткій суммарный очеркъ всего ученія его въ связи и цѣлости и доказываетъ, что въ существенныхъ основахъ своихъ оно совершенно сходно съ ученіемъ другихъ апостоловъ, но отличается отъ нихъ своимъ особеннымъ типомъ. По мнѣнію автора, типическими чертами своими оно ближе всего подходитъ къ нагорной бесѣдѣ Іисуса Христа, изложенной въ Евангеліи отъ Маттея.

Взятое во всей его цѣлости сочиненіе это представляетъ трудъ довольно серьезный и основательный, свидѣтельствующій объ основательномъ изученіи авторомъ избраннаго имъ предмета, при пособіи лучшихъ сочиненій по этому предмету западныхъ экзегетовъ. Не маловажный недостатокъ его заключается въ тяжелой рѣчи, оборотами и построеніемъ своимъ дающей знать о тѣхъ иностранныхъ пособіяхъ, коими руководился авторъ, при составленіи своего сочиненія. Не смотря на этотъ недостатокъ, сочиненіе его, по моему мнѣнію, можетъ быть признано удовлетворительнымъ для той цѣли, съ какою оно писано».

е) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Степана Сольскаго о сочиненіи студента Митрофана Федорови:* «Указавъ

на то, что особенныя отличительныя черты евангелія Іоанна съ самыхъ древнихъ временъ обращали на себя вниманіе, что въ послѣднее время онѣ стали предметомъ самой оживленной полемики на западѣ, изложивъ при этомъ взгляды нѣкоторыхъ западныхъ критиковъ на этотъ предметъ съ показаніемъ ихъ односторонности, установивъ свой взглядъ на предметъ, авторъ переходитъ къ самому описанію отличительнаго характера, который по его мнѣнію, главнымъ образомъ высказался въ трехъ существенныхъ сторонахъ: 1) исторической, 2) историко-догматической и 3) полемической. Изъ раскрытія этихъ трехъ сторонъ предмета состоитъ собственно изслѣдованіе автора.

Въ исторической части авторъ, вначалѣ указавъ на общее отличеніе евангелія Іоаннова сравнительно съ первыми тремя евангеліями въ содержаніи, объясняетъ это отличеніе особыми цѣлями и побужденіями, которыми руководился св. Іоаннъ при написаніи своего евангелія.—главнымъ средоточіемъ своего вниманія на дѣятельности Спасителя въ іудеѣ и Іерусалимѣ, описаніемъ постепеннаго усиленія вражды іудеевъ къ Спасителю. Этимъ объясняется, по мнѣнію автора, особенность въ выборѣ и расположеніи историческаго матеріала, и обличается невѣрность взгляда нѣкоторыхъ западныхъ критиковъ, которые готовы видѣть въ евангеліи Іоанна книгу, написанную съ предвзятою мыслию, съ принесеніемъ въ жертву ей достовѣрности историческихъ событій. Въ подробномъ описаніи событій, въ точномъ сказаніи времени и мѣста ихъ происхожденія онъ находитъ подтвержденіе своего взгляда; въ самыхъ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелій онъ находитъ указаніе на тѣ событія, которыя въ нихъ опускаются и упоминаются только въ евангеліи Іоанна; наконецъ сказанія трехъ первыхъ евангелистовъ о днѣ совершенія пасхальной вечера и смерти Спасителя примиряетъ съ сказаніями четвертаго евангелія.

Оправдывая историческую достовѣрность событій, изложенныхъ въ четвертомъ евангеліи, при всемъ отличіи ихъ отъ собы-

тій, описанныхъ въ трехъ первыхъ евангеліяхъ, авторъ тѣмъ не менѣе не считаетъ исключительною цѣлю евангелія восполненіе опущенныхъ событій. Въ обстоятельномъ изложеніи ученія Спасителя, въ выборѣ особенныхъ чудесныхъ событій, авторъ видитъ цѣль евангелиста—представить наглядныя доказательства божественности Спасителя. Эта цѣль въ особенности высказывается по его мнѣнію, въ характерѣ рѣчей Спасителя и ихъ изложеніи. Напрасно отрицательные критики видятъ въ такой особенности евангелія опору для своихъ взглядовъ; возвышенность рѣчей и ихъ языка вполне согласна съ внутреннимъ характеромъ св. Іоанна и оправдывается обстоятельствами жизни въ Ефесѣ. Здѣсь апостолъ имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться съ языкомъ греческимъ и современною философіею; впрочемъ какъ вообще его ученіе, такъ и въ частности ученіе о Словѣ не ставитъ его въ зависимость отъ современной іудео-христіанской философій; оно имѣетъ свое полное основаніе въ книгахъ свящ. Писанія.

Представляя наглядныя доказательства божественности Спасителя, евангелистъ, по мнѣнію автора, имѣлъ въ виду современныхъ еретиковъ: во 1-хъ тѣхъ, которые не считали Іисуса Христа Мессіею; во 2-хъ тѣхъ, которые не имѣли твердой живой увѣренности въ человѣческомъ ествѣ Іисуса Христа и 3-хъ тѣхъ, которые не вѣрили въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія. Всѣми этими обстоятельствами, взятыми вмѣстѣ, объясняются особенности характера евангелія Іоанна.—При составленіи своего описанія авторъ съ умѣньемъ пользовался древнею отеческою и новою западною литературою; съ послѣднею онъ ознакомился довольно обстоятельно и изложилъ свой предметъ живымъ и плавнымъ языкомъ. Вообще сочиненіе заслуживаетъ одобреніе и вполне соответствуетъ той цѣли, для которой оно представлено».

ж) *Его же отзывъ о сочиненіи студента Митрофана Романовскаго:* «Желая представить обстоятельное толкованіе на

нагорную проповѣдь Спасителя, авторъ прежде всего занялся критическимъ уясненіемъ вопросовъ о времени, мѣстѣ произнесенія, подлинности и цѣлости этой рѣчи. Доказавъ подлинность и цѣльность ея въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена у св. Матѳея, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ древнихъ толковниковъ, и уяснивъ отношеніе между изложеніемъ ея св. Матѳеемъ и св. Лукою, авторъ переходитъ къ подробному изъясненію ея по евангелисту Матѳею. При изъясненіи текста нагорной проповѣди онъ пользуется всѣми экзегетическими пособіями, слѣдитъ мнѣнія извѣстныхъ древнихъ и лучшихъ западныхъ толковниковъ, обращаетъ вниманіе на значеніе греческихъ словъ, на контекстъ рѣчи и помощію всего этого опредѣляетъ значеніе каждаго отдѣльнаго выраженія и цѣлаго стиха. При такомъ тщательномъ, доходящемъ иногда до скрупулезности; способѣ объясненія, авторъ не опускаетъ изъ виду общей связи въ раскрытіи и изложеніи мыслей нагорной проповѣди. Вся нагорная проповѣдь при его толкованіи является одною величественною рѣчью, обнимающею всѣ важнѣйшія проявленія человѣческаго религіознаго чувства. Можно пожалѣть только о томъ, что авторъ преимущественно пользуясь западными толковниками, не сумѣлъ избѣжать изысканности въ выраженіяхъ и употребленія словъ иностранныхъ, впрочемъ этотъ недостатокъ не дѣлаетъ его рѣчи неправильною и не мѣшаетъ удобопонятному изложенію мыслей. Вообще же сочиненіе по приёмамъ, употребляемымъ при изъясненіи, можетъ быть признано очень удовлетворительнымъ».

з) *Отзывъ доцента Акима Олесницкаго о сочиненіи студента священника Николая Веселиновича:* Сочиненіе уроженца Сербіи священника Николая Веселиновича на тему: «о судахъ и наказаніяхъ у древнихъ евреевъ» представляетъ довольно подробный очеркъ исторіи древнееврейскаго судопроизводства отъ первыхъ временъ библейскихъ до появленія христіанства, съ недостаточнымъ впрочемъ вниманіемъ къ историческому значенію ми-

сеевыхъ законовъ, сущность которыхъ яко бы состояла въ безусловной (?) равноправности въ судахъ, такъ что, по автору, у евреевъ не было различія высшихъ и низшихъ инстанцій въ судопроизводствѣ, — и въ формѣ судовъ послѣ вавилонскаго плѣна. Кромѣ этого общаго опредѣленія о равноправности судовъ все остальное, что говоритъ авторъ о древнееврейскомъ судопроизводствѣ, не даетъ цѣльнаго и яснаго представленія о предметѣ, хотя у автора нѣтъ недостатка въ фактахъ и частныхъ комбинаціяхъ. Удачѣе вышла вторая часть сочиненія, говорящая о мѣрахъ наказаній за преступленія, которыхъ (наказаній) авторъ видитъ въ законѣ Моисея пять видовъ: α) наказанія обрядовыя или очистительныя: жертва, β) отлученіе. γ) штрафы, δ) тѣлесныя наказанія и ε) смерть.

Вообще съ содержаніемъ сочиненія, не смотря на нѣкоторые пробѣлы, можно примириться. Но сочиненію сильно вредитъ мало-обработанность и, главное, незнаніе русскаго языка. Весьма часто авторъ то дѣлается совершенно непонятнымъ отъ грамматическаго безпорядка, то совершенно подчиняясь своимъ источникамъ (авторъ болѣе всего держится Кейля), даетъ своей рѣчи совершенно не-свойственную русскому языку, тяжелую нѣмецкую конструкцію, то наконецъ совершенно переходитъ въ языкъ сербскій.

Впрочемъ, если не брать во вниманіе обнаруженной въ сочиненіи малограмотности автора — иностранца (тѣмъ болѣе, что по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ авторъ занимался настоящимъ сочиненіемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ), сочиненіе о. Веселиновича, по высказаннымъ въ немъ свѣдѣніямъ, можно бы признать за кандидатскую диссертацию».

и) *Отзывъ ординарнаго профессора архимандрита Сильвестра о сочиненіи студента Василя Григорьевскаго:* «Въ основу историческаго изложенія догмата о служеніи І. Христа, какъ Искупителя міра, авторъ полагаетъ ученіе новозавѣтнаго откровенія объ этомъ предметѣ, которое онъ излагаетъ довольно об-

ютельно и отчетливо. За тѣмъ свое историческое изслѣдованіе блитъ онъ на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсматриваетъ вразовавшіяся въ первые три вѣка христіанства подъ вліяніемъ вычета и іудейства противныя христіанскому догмату мнѣнія, во второй занимается историческимъ раскрытіемъ самаго догмата въ ученіи церкви, и ея отцевъ и учителей въ теченіи этого зріюда. Вотъ общій планъ сочиненія, который, нельзя сказать, чтобы вполне вытекалъ изъ существа предмета, и вполне соотвѣтствовалъ главной задачѣ сочиненія. Это между прочимъ и было главною причиною тѣхъ затрудненій, съ которыми встрѣтился авторъ въ первой части своего изслѣдованія, исключительно посвященной отдѣльному разсмотрѣнію того, что имѣло второстепенное значеніе въ его предметѣ,—при чемъ не легко было поставить ее въ прямое и надлежащее отношеніе къ его главной задачѣ. Поставивши въ параллель съ христіанскимъ догматомъ противныя ему ученія, авторъ нашелъ себя вынужденнымъ сказать объ этомъ предметѣ больше, чѣмъ слѣдовало бы, вдаваясь въ длинныя разсужденія и подробности, которыя уместны только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о главномъ и существенномъ въ предметѣ. Такъ, напримѣръ, онъ излишне распространяется о древнихъ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ для объясненія происхожденія гностицизма, также много излишне подробнаго говорить о Василидѣ, Валентинѣ, Маркіонѣ и ихъ ученіи. Все впрочемъ сказанное имъ въ первой части сочиненія проникнуто здоровою и твердою мыслию, но оно имѣло бы гораздо болѣе силы и значенія, если бы было представлено въ болѣе сжатомъ видѣ, и прямѣе приспособлено къ главной задачѣ сочиненія. Во второй же части, составляющей главное въ сочиненіи, нѣтъ подобныхъ недостатковъ. Здѣсь авторъ, послѣ указанія на общее вѣрованіе церкви относительно разсматриваемаго имъ предмета, выразившееся въ символахъ и практикѣ, прямо безъ лишнихъ распрощаній излагаетъ ученіе о томъ же предметѣ всѣхъ касавших-

ся его отцевъ и учителей церкви трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, (начиная мужами апостольскими и оканчивая Оригеномъ) и излагаетъ ясно, отчетливо, послѣдовательно и основательно. Вообще сочиненіе свидѣтельствуетъ о мыслительности автора и способности его къ ученымъ трудамъ».

і) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Степана Сольскаго о сочиненіи студента Михаила Тарасьвича*: «Желая уяснить происхожденіе близкаго сродства и вмѣстѣ отличія въ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелій авторъ прежде всего занялся сличеніемъ параллельныхъ сказаній, за тѣмъ пришелъ къ критическому разсмотрѣнію мнѣній, высказанныхъ по поводу объясненія происхожденія такихъ особенностей, наконецъ представилъ свое мнѣніе объ этихъ особенностяхъ, основанное на преданіи церкви и свидѣтельствахъ Писанія. Таковъ общій планъ сочиненія. Въ частности авторъ при сличеніи сходныхъ сказаній останавливалъ свое вниманіе на исторіи рожденія Спасителя, Его крещенія, искушенія, началъ учительской дѣятельности, призванія первыхъ учениковъ, слѣдовавшихъ затѣмъ рѣчахъ и дѣлахъ Спасителя до торжественнаго вступленія Его въ Іерусалимъ, на торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ, преданіи, смерти Спасителя, Его воскресенія и явленія. Въ критическомъ изложеніи мнѣній авторъ обозрѣлъ всѣ важнѣйшія мнѣнія, высказанныя по поводу этого предмета, начиная съ древнѣйшихъ временъ церкви и оканчивая позднѣйшими западными изслѣдованіями. Сводя всѣ эти мнѣнія въ одно, онъ подраздѣляетъ ихъ на три класса, на мнѣнія, имѣвшія въ основѣ письменные памятники, изъ которыхъ постепенно возникали и происходили наши три первыхъ евангелія со всѣми своими особенностями, на мнѣнія, полагавшія сначала написаніе одного евангелія и затѣмъ составленіе двухъ остальныхъ по образцу перваго, и на мнѣнія, выяснявшія происхожденіе нашихъ евангелій изъ одного устнаго преданія. Къ этимъ тремъ главнымъ группамъ мнѣній въ позднѣйшее время присоеди-

нились теоріи миѣническая и тенденціозная, которая впрочемъ не столько касаются вѣшнихъ отличій и особенностей, сколько внутреннего содержанія евангелій. Разбирая критически всѣ эти мнѣнія, авторъ нашелъ болѣе всего подходящимъ къ объясненію всѣхъ вѣшнихъ особенностей нашей евангельской исторіи мнѣніе о происхожденіи нашихъ трехъ первыхъ евангелій изъ устного преданія. Въ третьей части своего сочиненія авторъ старался подтвердить это мнѣніе свидѣтельствами церковнаго преданія, писанія, духомъ и характеромъ самаго христіанскаго вѣроученія, обстоятельствами жизни апостоловъ. — Предложенное авторомъ объясненіе нельзя признать безспорнымъ и несомнѣннымъ; оно также возбуждаетъ не мало недоумѣній; но при той постановкѣ, какую далъ авторъ этому мнѣнію, при той группировкѣ фактовъ, которые онъ представилъ для подтвержденія этого мнѣнія, оно становится предпочтительнѣе другихъ. При составленіи своего сочиненія авторъ пользовался многими изслѣдованіями западныхъ критиковъ; но онъ не слѣдовалъ имъ рабски, а критически опредѣлялъ достоинство каждаго изъ нихъ. Вообще по приѣмамъ и способу изложенія, довольно плавному и гладкому, сочиненіе можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ для полученія кандидатской степени.

к) *Его же отзывъ о сочиненіи студента Михаила Казанскаго*: «Желая описать характеръ ученія и дѣлъ Спасителя по сказаніямъ трехъ первыхъ евангелистовъ, съ критическимъ обзорѣніемъ всего сказаннаго и сдѣланнаго по этому предмету въ западной литературѣ, авторъ посвящаетъ значительную часть своего труда критикѣ западныхъ воззрѣній на лице Спасителя и Его жизнеописаній, явившихся въ недавнее время; за тѣмъ описываетъ въ отвлеченномъ видѣ (а не въ хронологическомъ порядкѣ) по сказанію трехъ первыхъ евангелистовъ характеръ ученія и дѣлъ Спасителя, съ указаніемъ особыхъ отличій этихъ евангелій, съ объясненіемъ мѣстъ, встрѣчающихся только въ одномъ изъ

евангелій, и съ показаніемъ (сдѣланнымъ въ видѣ вывода) важности и значенія ученія, дѣлъ и жизни Спасителя для жизни всего человѣчества. Таковъ общій планъ и видъ сочиненія.

Въ частности авторъ останавливается на раскрытіи слѣдующихъ мыслей: въ критикѣ западныхъ воззрѣній на лице Спасителя и Его жизнеописанія онъ какъ будто хочетъ генетически прослѣдить развитіе отрицательныхъ взглядовъ на лице Спасителя и евангельскую исторію о немъ; вслѣдствіе этого вдается въ разборъ логическихъ приѣмовъ, употребляющихся при изложеніи и изученіи евангельской исторіи, указываетъ неумѣстность и несостоятельность однихъ отвлеченныхъ логическихъ приѣмовъ при познаніи истины вообще и въ частности при изученіи евангельской исторіи умѣстность въ умозрительномъ богословіи синтеза и анализа наблюдательнаго, а не видоваго и родоваго, употребляющагося въ философскихъ системахъ. Отрицательная критика, построенная на однихъ отвлеченныхъ логическихъ началахъ по необходимости должна была войти въ разладъ съ церковнымъ ученіемъ о лицѣ Спасителя и евангельской исторіи. Все отрицаніе ея главнымъ образомъ сосредоточилось на отверженіи чуда и вообще сверхъестественности въ дѣлахъ и жизни Спасителя, и соединенія въ лицѣ Спасителя двухъ естествъ божескаго и человѣческаго. Доказавъ необходимость перваго и дѣйствительность втораго, авторъ въ краткомъ хронологическомъ порядкѣ исчисляетъ жизнеописанія Спасителя отрицательнаго направленія и затѣмъ довольно подробно разоблачаетъ несостоятельность воззрѣній на лице Спасителя и Его жизнь Штрауса, Шенкеля, Ренана.

Въ описаніи характера ученія и дѣлъ Спасителя авторъ останавливается на уясненіи человѣческихъ Его совершенствъ по сказанію трехъ первыхъ евангелистовъ, на полной Его независимости отъ ученія книжниковъ и фарисеевъ, на мессіанскомъ Его достоинствѣ. Въ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ онъ находитъ подтвержденіе одного и того же ученія во всей же

евангельской исторіи видитъ изображеніе одного величественнаго образа Сына Божія.

Избранный авторомъ планъ не вполне соотвѣтствуетъ предмету; авторъ болѣе занимается критикою отрицательныхъ мнѣній, чѣмъ изъясненіемъ положительнаго евангельскаго ученія; положительное евангельское ученіе излагаетъ не въ хронологическомъ порядкѣ, указываемомъ евангеліями, а въ отвлеченномъ видѣ; не смотря на это, сочиненіе не теряетъ цѣнности и достоинства, по своему содержанію оно цѣльно, написано живо и читается съ интересомъ. Авторъ съ знаніемъ воспользовался лучшею западною апологетическою литературою и съ умѣньемъ отнесся къ отрицательной литературѣ. Въ своихъ мнѣніяхъ, сужденіяхъ онъ показалъ способность критически относиться къ излагаемому предмету и не слѣдовать безсознательно установившимся понятіямъ. Вообще сочиненіе по приемамъ и по изложенію можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ. Оно рекомендуетъ въ авторѣ способность съ усердіемъ и пользою трудиться».

Б) Представленіе комиссіи церковно-историческаго отдѣленія отъ 12 іюня: «Студенты церковно-историческаго отдѣленія III курса представили для полученія академической степени слѣдующія сочиненія: 4) Андрей Борзаковский: «Западно-русскіе клиросы отъ раздѣленія митрополіи до введенія уніи», 2) Константинъ Вафидисъ: «Фотій, патріархъ константинопольскій», 3) Алексѣй Вертеловскій: «Исторія Гуситовъ до утвержденія базельскихъ компактатовъ», 4) Иванъ Вукотичъ: «Очеркъ исторіи православной черногорской церкви отъ паденія сербской самостоятельности (1389 г.) до настоящаго времени», 5) Симеонъ Лаперовъ: «Теофилактъ Русановъ, экзархъ и митрополитъ Грузіи», 6) Федоръ Малиновскій: «Пасторъ Одерборнъ и его описаніе религіи русскихъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядовъ и проч.», 7) Порфирій Мочульскій: «Эпоха Наполеоновскихъ войнъ 1805—1815) и значеніе ея въ Русской церковной исторіи», 8) Василій Приклон-

скій: «Императоръ Алексѣй Комнень первый и его отношенія къ церкви», 9) Николай Рождественскій: «Очеркъ исторіи семинарскаго образованія со времени учрежденія Св. Синода до реформы семинарій при императорѣ Александрѣ I», 10) Милутинъ Стокичъ (сербъ): «Современное состояніе сербской церкви», 11) Павелъ Чудецкій: «Историческое изслѣдованіе о числѣ русскихъ монастырей закрытыхъ въ XVIII и XIX вѣкахъ».

Представляя въ Совѣтъ означенныя сочиненія и рецензіи на нихъ членовъ отдѣленія, комиссія считаетъ долгомъ донести, что она находитъ удовлетворительными для академической степени кандидата всѣ эти сочиненія, исключая сочиненій Стокича и Вукотича, которые признаетъ удовлетворительными лишь для степени дѣйствительнаго студента. Студентъ г. Тишевъ (болгаръ) сочиненія для академической степени не представилъ».

а) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Филиппа Терновскаго о сочиненіи студента Андрея Борзаковского*: «Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части авторъ, желая подыскать явленія древней церковной исторіи, аналогичныя съ позднѣйшимъ западно-русскимъ клиросомъ, изображаетъ значеніе низшаго духовенства въ первые вѣка христіанства и во времена Византійской имперіи и указываетъ на древніе духовныя чины, принимавшіе участіе въ церковномъ судѣ и администраціи, каковы были: епидики, экономы, архидіаконы и періодефты. Во 2-й части авторъ переходитъ къ церковной исторіи Руси сѣверовосточной и рассматриваетъ земское значеніе и начатки самоуправленія—сѣверно-русскаго низшаго духовенства. Наконецъ въ третьей—самой обширной, капитальной и существенной—части своего сочиненія авторъ сосредоточивается на главномъ предметѣ изслѣдованія—на западно-русскихъ клиросахъ. Ближайшій и непосредственный образецъ для устройства клиросовъ авторъ находитъ въ организаціи римско-католической капитулы, а также въ организаціи городского управленія по магдебургскому праву.—Да-

лѣе авторъ различаетъ клиросы каедральныя и некаедральныя, говоритъ о лицахъ, составлявшихъ клиросъ, (между которыми особеннымъ значеніемъ пользовались протопопъ и отчасти протодіаконъ), — и о назначеніи клироса помогать епископу въ служеніи и управленіи и охранять интересы блага духовенства. Затѣмъ, кратко изложивъ общій ходъ исторіи клиросовъ, авторъ съ большею подробностію рассматриваетъ историческое развитіе правъ клироса: а) выборныхъ, б) административныхъ и судебныхъ и в) владѣльческихъ. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о благодѣтельномъ историческомъ значеніи клиросовъ и объ участіи ихъ въ борьбѣ съ уніею.

Предметъ рассмотрѣнъ внимательно и обстоятельно и прилежная работа автора надъ источниками, состоящими — въ 3 части — почти исключительно изъ юридическихъ актовъ, — заслуживаетъ одобренія. Академической степени кандидата авторъ заслуживаетъ».

б) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Александра Воронова о сочиненіи студента Константина Вафидиса: «Сочиненіе «Фотія патріарха Константинопольскій», сообразно съ главнѣйшими переворотами въ жизни Фотія, раздѣляется авторомъ на три части: 1) отъ рожденія Фотія до вступленія на патріаршій престолъ, 2) отъ вступленія на патріаршество до перваго низложенія и 3) отъ перваго низложенія до смерти. Къ этому, въ видѣ приложенія, присоединяется 4-я часть — объ ученыхъ трудахъ Фотія. Дѣятельность патріарха Фотія изображается въ двухъ отношеніяхъ, — какъ ученаго и какъ патріарха константинопольскаго, и въ последнемъ отношеніи почти исключительно въ его отношеніяхъ къ патріарху Игнатію и внутреннимъ смутамъ въ константинопольской церкви. Сочиненіе представляетъ самую ревностную апологетику Фотія, къ которому авторъ вообще относится съ благоговѣніемъ, не допуская ни малѣйшей тѣни на великой личности этого патріарха, котораго авторъ называетъ чудомъ не только своего, но и послѣдующихъ вѣковъ. Русскими и*

новѣйшими западными изслѣдованіями авторъ пользовался очень мало; но этотъ недостатокъ, отзываются на сочиненіи, въ значительной степени восполняется хорошимъ знакомствомъ автора съ изслѣдованіями греческими, преимущественно съ сочиненіями Досифея патріарха іерусалимскаго и новѣйшими греческими писателями. Вслѣдствіе этого въ оправданіяхъ Фотія отъ обвиненій и въ притонѣ враждебныхъ ему византійскихъ писателей у автора встрѣчается нѣсколько новыхъ мыслей и пріемовъ, имѣющихъ научное значеніе. Сочиненіе обнаруживаетъ живое увлеченіе избраннымъ предметомъ, серьезное направленіе и достаточное трудолюбіе автора, изучавшаго и первые источники своего вопроса. Языкъ носитъ на себѣ слѣды не совсѣмъ удовлетворительнаго перевода съ греческаго, на которомъ, какъ видно, сначала было написано сочиненіе авторомъ. Вообще сочиненіе по моему мнѣнію можетъ дать автору право на полученіе степени кандидата.

в) *Отзывъ ординарнаго профессора Ивана Мальшевскаго о сочиненіи студента Алексѣя Вертеловскаго:* «Въ введеніи къ своему сочиненію авторъ устанавливаетъ и выясняетъ общій взглядъ на гусситство. Въ жизни общественной и политической оно было, по его выраженію, народною, славянскою оппозиціею противъ нѣмецкаго преобладанія; въ сферѣ религіозной—не только протестомъ противъ злоупотребленій папства, но и стремленіемъ возвратиться къ старой вѣрѣ, т. е. православію, преданія котораго не изсякали въ Чехіи со времени Меѳодія.

Самая исторія гусситства изложена въ четырехъ отдѣлахъ.

Въ первомъ отдѣлѣ излагается возникновеніе и начальное развитіе гусситства въ слѣдующихъ главахъ. Въ первой, послѣ замѣчаній о молодости и воспитаніи Гусса, говорится о вліяніи ученія Виклефа на возбужденіе гусситскаго движенія, проповѣднической дѣятельности Гусса, разногласіяхъ между стороною его, латинскимъ духовенствомъ и нѣмцами, засгавившихъ наконецъ

нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ удалиться изъ Праги. Во второй главѣ изображается—дальнѣйшее развитіе гусситства по удаленіи нѣмцевъ изъ Праги, гдѣ теперь самъ университетъ сталъ во главѣ его; рассказывается далѣе о мѣрахъ папы и пражскаго архіепископа противъ новой «ереси», протестъ Гусса и его приверженцевъ противъ продажи отпустовъ, разногласіяхъ между гусситскою и римско-католическою сторонами, дѣятельности Гусса по удаленіи изъ Праги и путешествіи Іеронима Пражскаго. Въ третьей главѣ изображается дѣло Гусса на Констанскомъ соборѣ, жестокія и несправедливыя мѣры котораго не поколебали Гусса и его единомыслениковъ, которые во время самаго собора торжественно защищали древній православный обычай причащенія мирянъ подъ обоими видами. Сожженіе Гусса вызываетъ сильнѣйшее волненіе въ Чехіи и Моравіи; сеймъ пражскій съ университетомъ, затѣмъ союзъ знатныхъ чеховъ защищаютъ гусситское дѣло противъ Констанскаго собора, который находитъ поддержку въ союзѣ католическихъ вельможъ и высшаго духовенства, безхарактерный король Вячеславъ держится нерѣшительно. Между тѣмъ соборъ, сжегши Гусса, принимается опять за Іеронима, который также, какъ и Гуссъ, мужественно защищаетъ на соборѣ свое ученіе и дѣло и также, какъ онъ, обвиненъ и осужденъ на сожженіе. Описанію этихъ событій посвящены четвертая и пятая глава.

Въ шестой главѣ авторъ послѣдовательно рассказываетъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ собора, папы и короля Сигизмунда противъ гусситовъ, раздѣленіи послѣднихъ на двѣ партіи чашниковъ и таборитовъ, мѣрахъ пражскаго университета противъ таборитскихъ заблужденій, постановленій его касательно причащенія подъ обоими видами, отношеній короля Вячеслава къ гусситамъ и религіозно-національных празденствъ на Таборѣ. Этимъ оканчивается первый отдѣлъ сочиненія, обнимающій первый періодъ въ развитіи гусситства.

Во второмъ отдѣлѣ описываются войны гусситовъ съ римско-католиками въ связи съ развитіемъ партій въ средѣ гусситства, подорвавшихъ силу послѣдняго. Содержаніе первой главы этого отдѣла составляютъ: возстанія гусситовъ по смерти Вячеслава; положеніе римско-католической и гусситской сторонъ въ Чехіи предъ началомъ войны; первый крестовый походъ противъ гусситовъ и переговоры ихъ съ римско-католиками; вѣроисповѣдныя гусситскіе члены; заблужденія таборитовъ, пинардовъ, адамитовъ и противодѣйствіе имъ со стороны чашниковъ. Слѣдующая глава говоритъ о новыхъ крестовыхъ походахъ противъ Гусситовъ; разногласіяхъ между чашниками и таборитами; мѣрахъ Сіенскаго собора противъ гусситовъ; раздѣленіи таборитовъ на партіи по смерти Жизеки; попыткахъ Корибута примирить гусситовъ съ римско-католическою церковію; переговорахъ гусситовъ съ римско-католиками въ Пресбургѣ, Краковѣ и Егерѣ, за коими слѣдовало созваніе собора въ Базель.

Изложеніе совѣщаній гусситовъ съ римско-католиками на Базельскомъ сосорѣ составляетъ третій отдѣлъ сочиненія. Первую главу этого отдѣла авторъ начинаетъ характеристикой положенія Гусситовъ и римско-католиковъ по окончаніи войнъ. Потребность мира чувствовалась обоими сторонами. Гусситы приглашены на Базельскій соборъ, главная мысль котораго о преобразованіи церкви была по преимуществу плодомъ гусситскаго вліянія на міръ католическій. Папа тщетно нытается распустить соборъ. На условіяхъ, заключенныхъ гусситами съ депутатами собора въ Егерѣ, депутаты первыхъ отправлены, прибыли на соборъ и начали переговоры, имѣя во главѣ Рокицану и Прокопа Великаго. Продолженіемъ ихъ были описываемые во второй главѣ переговоры соборныхъ легатовъ въ Чехіи, за которыми слѣдовали новыя совѣщанія гусситовъ съ католиками на Базельскомъ соборѣ, потомъ переговоры легатовъ собора съ гусситскими представителями въ Прагѣ, гдѣ и выработаны первые *Пражскіе*

компактаты (3 ноября 1433 г.). Между тѣмъ внутреннее разъединеніе среди гусситовъ принесло свои плоды. Произошла наконецъ открытая война между аристократическою партіею чеховъ, за одно съ которою было большинство чашниковъ, и демократическою, къ которой принадлежали табораты и др. крѣпкія партіи,—война, кончившаяся пораженіемъ послѣднихъ въ битвѣ при Липанѣ (30 мая 1434 г.), гдѣ палъ и Проконъ Великій.

Четвертый, заключительный отдѣлъ сочиненія трактуетъ о заключеніи Базельскихъ компактатовъ и судьбѣ ихъ.

Усиленные пораженіемъ таборитовъ, но угрожаемые новымъ ожесточеніемъ со стороны послѣднихъ и вообще утомленные долгою борьбою, умѣренные гусситы или чашники болѣе и болѣе склонялись къ примиренію съ римско-католиками, представители которыхъ обнаруживали такую же готовность, хотя съ меньшею искренностію. Послѣ частыхъ и трудныхъ въ разныхъ мѣстахъ переговоровъ между легатами Базельскаго собора, императоромъ Сигизмундомъ и гусситскими представителями, приняты наконецъ и утверждены съ обѣихъ сторонъ компактаты, на которыхъ и совершилось примиреніе гусситовъ съ римско-католиками, торжественно провозглашенное въ Игловѣ 5 іюля 1436 г. Легаты собора ликовали, приглашая ликовать и соборъ; торжествовалъ и императоръ Сигизмундъ, которому повиновались теперь чехи. Но не имѣли особенныхъ побужденій ликовать—чехи. Скоро открылось, что право совершать причащеніе подъ обоими видами, которое составляло главнѣйшее условіе примиренія и когорымъ спѣшили воспользоваться новый, избранный чехами, архіепископъ, доселѣ лучший вождь ихъ, Рокицана, въ суаности не признается легатами и было опротестовано ими. Не искренно сошелся съ чехами и императоръ Сигизмундъ. Гусситы были обмануты и поняли это. На этомъ авторъ прерываетъ свое сочиненіе, въ которомъ читатель ждетъ еще послѣсловія.

Сочиненіе автора весьма объемистое. Исторія гусситства въ

обозначенномъ здѣсь порядкѣ изложена очень обстоятельно и отчетливо. Въ сущности авторъ не сказалъ почти ничего новаго, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать въ настоящемъ случаѣ, но внимательно и твердо изучалъ свой предметъ по трудамъ другихъ изслѣдователей его—нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ и удачно овладѣлъ результатами ихъ изслѣдованій. Общій взглядъ на гусситство, высказанный въ началѣ, послѣдовательно проведенъ чрезъ всю исторію гусситства, хотя не всегда съ одинаковою рельефностію. Изложеніе вообще безукоризнено и съ логической и съ литературной стороны. Сочиненіе слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ для степени кандидата».

г) *Отзывъ доцента Михаила Ковальничаго о сочиненіи студента Ивана Вукотича:* «Авторъ сочиненія: «Очеркъ исторіи православной черногорской церкви отъ паденія сербской самостоятельности до настоящаго времени» раздѣлялъ исторію черногорской церкви на три періода: 1-й отъ паденія сербской самостоятельности и возникновенія самостоятельности Черногоріи до времени сосредоточенія свѣтской и духовной власти въ лицѣ черногорскаго владыки митрополита; 2-й до 1851 года—времени отдѣленія въ Черногоріи духовной власти отъ свѣтской; 3-й съ 1851 года до настоящаго времени.

Въ первомъ отдѣлѣ (1-й періодъ) своего сочиненія, изложивъ въ общихъ чертахъ политическую исторію Черногоріи подъ управленіемъ свѣтскихъ воеводъ и затѣмъ довольно распространявшись о вредномъ вліяніи на судьбу Черногоріи сосѣдей турокъ-мусульманъ и венеціанъ-католиковъ,—изъ собственно-церковной исторіи за этотъ періодъ авторъ говоритъ только о двухъ фактахъ: перенесеніи земской митрополіи въ Цетинье, чѣмъ, говоритъ онъ, положено начало самоуправленію черногорской церкви,—и о введеніи книгопечатанія въ Черногорію.

Во 2-мъ отдѣлѣ, посвятивъ нѣсколько страницъ оправданію соединенія свѣтской и духовной власти въ лицѣ черногорскаго

владыки и указовъ на важное значеніе этого явленія для черногорской церкви и государства,—авторъ въ особыхъ параграфахъ говоритъ объ избраніи черногорскихъ митрополитовъ, о титулѣ черногорскихъ митрополитовъ, о власти и правахъ, о составѣ владѣній черногорскихъ митрополитовъ, о помѣщеніи и содержаніи ихъ; о духовенствѣ и средствахъ его содержанія, о монашесствѣ и монастыряхъ, о средствахъ и степени образованія черногорскаго духовенства; за тѣмъ, опять обращается авторъ къ митрополитамъ и въ хронологическомъ порядкѣ говоритъ о жизни и дѣятельности каждаго сколько нибудь извѣстнаго владыки.

Въ 3-мъ отдѣлѣ, рассказавъ обстоятельства отдѣленія духовной власти отъ свѣтской, авторъ изображаетъ современное положеніе черногорской церкви, говоритъ о настоящемъ состояніи приходскихъ храмовъ и монастырей, о средствахъ образованія духовенства, объ экономическомъ бытѣ и общественномъ положеніи духовенства; и о современномъ религіозно-нравственномъ состояніи Черногоріи вообще.

Авторъ воспользовался для своего труда общедоступными, заключающимися въ напечатанныхъ сочиненіяхъ по исторіи Черногоріи, свѣдѣніями, но воспользовался не особенно удачно. Такъ, въ 1-мъ отдѣлѣ нѣсколько разъ возвращается къ одной и тойже мысли, нарушая тѣмъ логическій ходъ изложенія предмета. Во 2-мъ отдѣлѣ параграфы изслѣдованія расположены не въ надлежащей послѣдовательности.

Русскимъ литературнымъ языкомъ авторъ сочиненія владѣть достаточно.

Вообще же, сочиненіе это можетъ дать право на полученіе званія дѣйствительнаго студента Академіи.

д) *Отзывъ ординарнаго профессора Ивана Мальшевскаго о сочиненіи студента Симеона Лаперова:* «Въ краткомъ предисловіи авторъ, указавъ на тотъ интересъ, какой онъ находилъ въ изученіи замѣчательной личности Теофилакта Русанова и его

дѣятельности, послѣдній періодъ которой принадлежитъ родинѣ автора Грузіи, предупреждаетъ, что собранные имъ источники свѣдѣній о Теофилактѣ не на столько достаточны, чтобы по нимъ пытаться составить полную и цѣлостную характеристику этого іерарха. Поэтому онъ даетъ себѣ болѣе скромную задачу—«представить связанный обзоръ главнѣйшихъ явленій жизни и дѣятельности Теофилакта Русанова въ связи съ тѣми явленіями современной ему жизни церкви русской, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился или на которыя самъ имѣлъ свою долю вліянія».

Этотъ обзоръ представленъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) дѣтство и воспитаніе Русанова; 2) карьера его по окончаніи курса наукъ въ главной Александро-Невской семинаріи до посвященія въ епископа новооткрытой Калужской епархіи; 3) дѣятельность его въ Калугѣ до вызова въ комитетъ усовершенствованія духовныхъ училищъ; 4) участіе его въ трудахъ комитета и потомъ коммиссіи духовныхъ училищъ и въ связи съ тѣмъ и другимъ характеризуется участіе Теофилакта въ дѣлѣ Фесслера, дѣятельность его въ качествѣ протектора словесныхъ наукъ при С.-Петербургской академіи, также исторіи перевода эстетическихъ разсужденій Ассильона; 5) служебные успѣхи Теофилакта за это время и его столкновенія съ высшими и вліятельнѣйшими лицами духовнаго вѣдомства того времени; 6) дѣятельность его въ санѣ экзарха Грузіи.

Скромную задачу свою авторъ выполнилъ удовлетворительно. Болѣе удастся ему характеристика отдѣльныхъ эпизодовъ изъ дѣятельности Теофилакта. Но онъ пытается связать ихъ, пытается уяснить тѣ, какъ выражается онъ, своеобразныя и самобытно опредѣлявшіяся черты воззрѣній и практическихъ стремленій просвѣщеннаго и энергическаго іерарха, которымъ онъ оставался вѣренъ, и въ которыхъ авторъ старается оправдать его, ведя по временамъ полемику съ порицателями дѣйствій или сужденій Теофилакта, болѣе или менѣе удачную. Во всякомъ случаѣ личность Теофилакта въ изслѣдованіи автора получаетъ нѣсколько

польшее освѣщеніе въ сравненіи съ тѣмъ, какое дается ей въ известныхъ доселѣ большею частію случайно высказанныхъ характеристикахъ ея. Автору прочитавшему почти все написанное у насъ о Теофилактѣ, удалось найти и новое письмо Теофилакта по вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ, помѣщенное въ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійской Евгеніевой бібліотеки. Изъ времени грузинскаго экзаршества Теофилакта авторъ говорить о мѣрахъ его по улучшенію епархіальнаго управленія, учебного дѣла и миссіонерства. Безвременная кончина экзарха прервала въ самыхъ начаткахъ благотѣльную дѣятельность его въ Грузіи, болѣе подробное изслѣдованіе которой заслуживаетъ, по мнѣнію автора, особаго труда, и онъ надѣется, что источники для такого изслѣдованія не замедлятъ открыться. При новыхъ трудахъ можно бы впрочемъ посоветовать автору позаботиться о лучшей отдѣлкѣ ихъ и въ литературномъ отношеніи. Настоящее же сочиненіе слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ для степени кандидата».

е) *Его же отзывъ о сочиненіи студента Θεодора Маминскаго*: «Сочиненіе—Пасторъ Одерборнъ и его описаніе религіи русскихъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядовъ ихъ и проч., состоятъ изъ трехъ частей.

Въ первой сообщаются свѣдѣнія объ Одерборнѣ, причемъ авторъ останавливается особенно на характерѣ образованія и религіозныхъ воззрѣній этого протестантскаго пастора, а также на тѣхъ обстоятельствахъ его жизни и пасторской карьеры въ Ливоніи и Литвѣ, которыя открывали ему случаи ознакомиться съ русскимъ народомъ, его религіею и бытомъ. Эти свѣдѣнія приводятъ автора къ заключенію, что Одерборнъ не могъ обнять въ надлежащей полнотѣ и вѣрно оцѣнивать явленія религіозной жизни русскаго народа, но могъ болѣе или менѣе вѣрно передать тѣ черты ихъ которыя подпадали непосредственному наблюденію его.

Во второй части авторъ занимается самымъ сочиненіемъ Одер-

борна. Сперва онъ излагаетъ библиографическія свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи, изложенномъ въ видѣ письма къ Давиду Хитрею, о которомъ также сообщаются свѣдѣнія. За тѣмъ представляется полный и точный переводъ Одерборнова описанія, сопровождаемый поясненіями и примѣчаніями и общею оцѣнкою достоинства и научнаго интереса его, какъ памятника историческаго. Автору хорошо извѣстно и другое сочиненіе Одерборна о жизни Іоанна Грознаго, котораго онъ былъ современникомъ, но о которомъ писалъ лишь по слухамъ. Авторъ нашъ не упустилъ, въ своемъ мѣстѣ, выразить свой взглядъ на нѣкоторые частныя замѣчанія и объ этомъ сочиненіи Одерборна. Болѣе обстоятельнымъ разборомъ и оцѣнкой сообщаемыхъ въ Одерборновомъ описаніи свѣдѣній о религіозномъ бытѣ русскихъ авторъ могъ бы и закончить свой трудъ. Но онъ идетъ далѣе.

Вызываемый почувствованною имъ узкою или односторонностію наблюденій или сужденій протестантскаго пастора, онъ беретъ на себя апологію церковной жизни русскаго народа второй половины XVI в., и именно—Руси западной, гдѣ наблюдалъ ее и Одерборнъ. Вооружившись современными русскими и иностранными памятниками, онъ, въ третьей части своего сочиненія, обрисовываетъ главнѣйшія черты этой жизни съ намѣреніемъ ослабить или опровергнуть тѣ неблагопріятныя или невѣрные, на его взглядъ, отзывы о ней, какіе дѣлали не только Одерборнъ, но и другіе иностранные и иновѣрные наблюдатели ея той же или ближайшей эпохи. Увлеченія, какимъ поддался здѣсь апологистъ, если не оправдываются, то въ извѣстной мѣрѣ вознаграждаются свѣдѣніями, какія онъ имѣлъ случай здѣсь обнаружить.

Въ цѣломъ составѣ своемъ сочиненіе свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи автора и его способности вникать въ дѣло. Главная задача труда имъ понята и выполнена: но это выполненіе представилось бы выразительнѣе, еслибъ авторъ могъ воздержаться отъ уклоненій и увлеченій, не чуждыхъ его сочиненія.

Внѣшняя литературная обработка сочиненія не безъ недостатковъ, хотя и не важныхъ. Вообще сочиненіе надлежитъ признать удовлетворительнымъ для степени кандидата».

ж) *Отзывъ экстраординарнаго профессора священника Александра Воскресенскаго о сочиненіи студента Порфирія Мочульскаго*: «Бысказавши во введеніи общую мысль, что наполеоновскія войны и особенно война съ Россією 1812 года была причиною перерожденія русскаго общества въ нравственномъ отношеніи, авторъ свое изслѣдованіе раздѣляетъ на три отдѣла: въ 1-мъ бросаетъ взглядъ на религіозно-нравственную жизнь русскаго общества до Наполеоновскихъ войнъ; во 2-мъ указываетъ значеніе Наполеоновскихъ войнъ собственно для русской церкви и въ 3-мъ изображаетъ вліяніе Наполеоновскихъ войнъ на церковную жизнь русскаго общества.

1. До Петра I дѣятельность правительства, равно какъ и частная жизнь правителей, носила на себѣ религіозный отпечатокъ, до Петра общественная жизнь и религія, государство и церковь, объединяясь, дѣйствовали согласно, первое подчиняясь авторитету послѣдней и руководясь ся традиціями. Петръ Великій произвелъ разъединеніе въ дѣйствіяхъ церкви и правительства преобразованіемъ церковнаго управленія въ коллегіальное и охлажденіе къ религіи въ обществѣ введеніемъ въ русскую жизнь западныхъ элементовъ. Отсюда произошло то, что рядомъ съ самыми благотворными заимствованіями пересаживалось на русскую почву много такого, что подкапывало самыя основанія русской нравственности, что вмѣстѣ съ полезными реформами въ жизнь русскихъ началъ проникать заразительный духъ западнаго легковѣрія, невѣрія и потворства страстямъ. При преемникахъ Петра (Екатеринѣ I и Елисаветѣ), дѣйствовавшихъ въ его духѣ, пропаганда либерализма имѣла все большій и большій успѣхъ. При Екатеринѣ II Франція сдѣлалась для русскаго общества кумиромъ, которому всякій, сколько набудъ претендующій на званіе образо-

ваннаго человека, долженъ былъ принести посильную жертву. Эта жертва прежде всего явилась въ переводѣ на русскій языкъ французскихъ либеральныхъ книгъ, слѣдствіемъ распространенія которыхъ въ обществѣ явилось релігіозное кощунство и релігіозный скептицизмъ. Четырехлѣтняя реакція противъ европейскаго вліянія при Павлѣ I, обнаружившаяся въ формѣ запрещенія ввоза въ Россію иностранныхъ сочиненій, не только не имѣла благотворныхъ результатовъ, но еще болѣе возбудила жажду къ подражанію всему иноземному, дала большую сферу французскому вліянію, которое вполне раскрылось при императорѣ Александрѣ I. Для характеристики нравственной жизни современнаго Александру общества авторъ останавливается на личности самаго императора, какъ прототипъ своего времени и, обрисовывая подробно характеръ убѣжденій Александра до войнъ съ Наполеономъ, указываетъ воспитательное вліяніе на Александра Лагарпа значеніе того небольшого кружка лицъ, которыхъ приблизилъ къ себѣ императоръ, наплывъ въ Россію иностранцевъ какъ воспитателей,—перерожденіе русскаго общества на французскій манеръ и затѣмъ бросаетъ взглядъ на исторію масонства въ Россіи и на дѣятельность митрополита Платона,—какъ на протестъ противъ всеобщей галломаніи.

2. Бросивши бѣглый взглядъ на нравственное состояніе Франціи конца XVIII и начала XIX столѣтія, авторъ рисуетъ картину пребыванія французовъ въ Москвѣ въ 1812 году со всіми ужасами грабежей, насилія и крайняго неслыханнаго поруганія святыни. Крайнее поруганіе святыни вызвало крайнюю оппозицію со стороны церкви для борьбы съ Францією и французами. Здѣсь подробно раскрыта авторомъ дѣятельность митрополита Платона, архіепископа Августина и всего духовенства въ защиту церкви и отечества противъ французовъ и всего французскаго.

3. Изображая вліяніе наполеоновскихъ войнъ на релігіозно-нравственную жизнь русскаго общества, авторъ представляетъ

историческую картину постепеннаго раскрытія нравственно-религіознаго настроенія въ русскомъ обществѣ, вопреки господствовавшему вольномыслию и невѣрію, до высшаго проявленія его въ борьбѣ за вѣру и отечество въ 12 и 13 годахъ, когда русскими принесено было все въ жертву для защиты вѣры, церкви и отечества.

Въ частности раскрыты здѣсь авторомъ слѣдующіе пункты: пробужденіе религіозности въ русскомъ обществѣ при началѣ наполеоновскихъ войнъ; пѣтистическая литература,—какъ проявленіе этого пробужденія, значеніе и достоинство этой литературы: религіозное направленіе въ государственной политикѣ; усиленіе и возрастаніе религіознаго настроенія при началѣ отечественной войны; высшая степень проявленія религіознаго настроенія во всѣхъ со словіяхъ при занятіи Москвы французами; гибель и бѣгство французовъ изъ Москвы и Россіи,—какъ кара Божія за ихъ поруганіе святыни и всего священнаго; манифестъ государя изъ Вильны и намѣреніе построить въ Москвѣ храмъ Спасителю, какъ памятникъ Божіей помощи намъ въ тяжкую годину испытанія за грѣхи наши.

Въ заключеніе всего авторъ приводитъ выдержку изъ разговора императора Александра въ 1818 г., съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, въ которомъ Александръ сознавался, что «пожаръ Москвы просвѣтилъ его душу, что судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ его сердце теплотою вѣры, что тогда онъ позналъ Бога истиннаго, какъ открываетъ Его намъ свящ. Писаніе». Что говорилъ Александръ, тоже могъ сказать въ то время о себѣ и каждый русскій. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ пораженіемъ французовъ нанесено было пораженіе и тѣмъ антирелигіознымъ и антинравственнымъ идеямъ, которыя распространились было у насъ предъ наполеоновскими войнами.

По содержанію сочиненіе не представляетъ ничего новаго; но удачный выборъ фактовъ и группировка ихъ, сообразно съ

господствующею въ сочиненіи мыслию автора, плавность рѣчи, картинность изображенія, теплота патріотическаго чувства, которымъ проникнуто все сочиненіе—все это даетъ ему такое достоинство, по которому авторъ имѣетъ полное право на полученіе степени кандидата».

в) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Александра Воронова о сочиненіи студента Василя Приклонскаго*: «Авторъ изслѣдованіе своего вопроса предваряетъ довольно длиннымъ трактатомъ объ отношеніи императоровъ къ церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, гдѣ говоритъ 1) о содѣйствіи ихъ сохраненію и развитію истиннаго ученія, 2) о мѣрахъ предпринимаемыхъ ими къ пресѣченію и преслѣдованію ересей и расколовъ и 3) о заботахъ и благоустройствѣ церкви. По взгляду автора эта дѣятельность была въ высшей степени необходима, законна и благотворна для церкви. Но отношенія императоровъ къ церкви совершенно измѣнились въ послѣдній періодъ Византійской исторіи. въ слѣдствіе политическихъ бѣдствій, иконоборства, упадка просвѣщенія, церковнаго раздѣленія и другихъ обстоятельствъ эти отношенія принимаютъ характеръ деспотизма. Не безъ проявленій этого деспотизма, хотя извиняемаго, по взгляду автора, современнымъ состояніемъ церкви, дѣйствовалъ въ отношеніи къ церкви и Алексѣй Комнень первый, государь весьма умный и образованный, благотворительный, религіозный хотя не безъ суевѣрія, но деспотическій. Съ этой точки зрѣнія авторъ изображаетъ отношенія Алексѣя Комнена 1) къ внутреннимъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ константинопольскаго патріархата, 2) отношенія его къ врестоносцамъ, къ церковнымъ дѣламъ патріархатовъ антиохійскаго и іерусалимскаго и къ Аѳону (относительно Аѳона перечисляются только не изданные документы), 3) отношенія его къ еретикамъ Италу, Нилу, богомиламъ и павликіанамъ и 4) отношенія его къ римской церкви. Широкою задачу свою авторъ выполнилъ въ фактическомъ отношеніи весьма удовлетворительно:

онъ тщательно собралъ общедоступныя извѣстія объ Алексѣѣ Комненѣ и особенно внимательно изучилъ новеллы этого императора. Но, при всестороннемъ изученіи предмета, авторъ обнаруживаетъ въ сочиненіи нѣкоторую раздвоенность, въ воззрѣніи на отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви у автора не достаточно мотивировано общее воззрѣніе, по которому онъ, признавая отношенія императоровъ къ церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ вполнѣ нормальными, въ подобныхъ же, по основному характеру, отношеніяхъ Алексѣя Комнена, видитъ деспотизмъ и незаконное вѣшателство въ дѣла вѣры и церкви. Не безъ ущерба также достоинству сочиненія авторъ вдается въ излишне подробный анализъ новеллъ Алексѣя Комнена, часто основанный лишь на апіорныхъ соображеніяхъ и неимѣющій историческаго значенія. Несмотря однакоже на эти недостатки, основательное и полное обследованіе вопроса, стройное и живое изложеніе сочиненія даютъ автору, по моему мнѣнію, полное право на полученіе степени кандидата».

и) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Филиппа Терновскаго о сочиненіи студента Николая Рождественскаго*: «Въ составъ сочиненія входятъ слѣдующіе предметы: а) свѣдѣнія о духовномъ просвѣщеніи предъ временемъ учрежденія семинарій, б) регламентъ и учрежденіе семинарій, в) дальнѣйшее развитіе устройства семинарій вслѣдствіе понудительныхъ указовъ императрицъ Анны и Елисаветы, г) проекты и попытки переустройства семинарій на новыхъ началахъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Авторъ обращаетъ болѣе вниманія на законодательную и регламентарную сторону дѣла, чѣмъ на фактическое осуществленіе регламентаціи. Статистика семинарій и внутренняя сторона ихъ жизни осталась не достаточно обследованною. Изложеніе ясное и складное. Сочиненіе несомнѣнно обнаруживаетъ способность автора писать послѣдовательно и радсудительно. Кандидатской степени авторъ заслуживаетъ».

і) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Александра Воронова о сочиненіи студента Милутина Стокича*: «Въ сочиненіи «Современное состояніе сербской церкви», излагается краткая исторія сербской іерархіи со времени уничтоженія патріаршества въ Сербіи до настоящаго времени, излагается съ точки зрѣнія отношеній іерархіи къ дѣлу сербской народной независимости и свободы. Свѣдѣнія, изложенныя здѣсь, очень кратки и часто неопредѣленны; болѣе точныя и обстоятельныя замѣчанія представляетъ авторъ когда говоритъ о заслугахъ для сербской церкви князя Милоша Обреновича и о послѣднихъ бѣлградскихъ митрополитовъ. Всѣ другія стороны даннаго вопроса оставлены безъ вниманія. Впрочемъ авторъ судить здраво, излагаетъ свои мысли довольно стройно и языкомъ, на сколько можно требовать отъ иностранца, довольно правильнымъ».

к) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Филиппа Терновскаго о сочиненіи студента Павла Чудецкаго*. «Во вступленіи авторъ, послѣ общихъ замѣчаній о составѣ своего сочиненія, занимается разборомъ источниковъ и преимущественно двухъ: исторіи *россійской іерархіи* архимандрита Амвросія и *полнаго собранія историческихъ свѣдѣній о вѣсѣхъ богатыхъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ въ Россіи*—А. Ратшина и дѣлаетъ нѣсколько серьезныхъ указаній на недосмотры и неточности, а также и на достоинства въ томъ и другомъ сочиненіи.

Первая часть сочиненія—историческая. Авторъ излагаетъ законодательство о штатѣ монаховъ и монастырей со временъ Петра Великаго, указываетъ на побужденія, руководившія правительствомъ при сокращеніи штата монастырей, состоявшія не только въ желаніи привлечь болѣе лицъ на службу государству, но и въ желаніи поднять уровень монашескаго житія. Весьма удачно подмѣтилъ авторъ то обстоятельство, что реформа монастырей Петромъ Великимъ вызвала протестъ не со стороны массы

народа, а только со стороны потерпѣвшихъ лицъ. Раскрывая исторію монастырскаго вопроса въ послѣдующія царствованія, авторъ нѣсколько останавливается на отношеніи къ этому вопросу Ѳеофана Прокоповича и Аврамова и говоритъ объ окончательномъ рѣшеніи монастырскаго вопроса съ 1764 года и о послѣдующихъ дополненіяхъ къ этому рѣшенію по отношенію къ монастырямъ малороссійскимъ, западно-русскимъ и грузинскимъ.

Вторая часть сочиненія статистическая. Цифрою упраздненныхъ монастырей авторъ опредѣляетъ внѣшній объемъ монастырской реформы. Общій результатъ статистической работы автора обозначается въ вѣдомости, приложенной къ концу второй части сочиненія. Изъ этой вѣдомости мы узнаемъ, что общее число монастырей въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ закрытыхъ въ 39 нынѣшнихъ епархіяхъ 838; кромѣ того въ тѣхъ же епархіяхъ закрыто приписныхъ монастырей 272. Итого 1110. Къ опредѣленію этой цифры авторъ идетъ, взявъ въ основаніе перечень монастырей въ исторіи Россійской іерархіи, и дополняя его свѣдѣніями, заимствованными изъ книги Ритмана, изъ епархіальныхъ вѣдомостей и изъ другихъ источниковъ. Къ сожалѣнію авторъ не взялъ на себя труда переименовать всѣ закрытые монастыри, а назвалъ только тѣ, которые не вошли въ исторію Россійской іерархіи. Надъ статистикою упраздненныхъ монастырей авторъ трудился много и съ умѣньемъ. Конечно выведенная авторомъ сумма закрытыхъ монастырей нѣсколько ниже дѣйствительной, потому что въ нее не вошли монастыри, состоявшіе внѣ 39 епархій, равно и потому, что мѣстные источники, напримѣръ епархіальныя вѣдомости постоянно представляютъ новыя извѣстія о существовавшихъ нѣкогда монастыряхъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что трудомъ автора положено для статистики монастырей твердое основаніе.

Въ послѣдней части сочиненія авторъ кратко ведетъ рѣчь о народной памяти относительно закрытыхъ монастырей, о числѣ

монастырскихъ церквей, (которые, по руководству *исторіи російской іерархіи*, опредѣляетъ цифрою 547) и о результатахъ упраздненія монастырей для церкви, общества и монашества — результатахъ, которые не находятъ неутѣшительными.

Изложеніе автора краткое и выразительное. По ясному пониманію сущности вопроса и по серьезному отношенію къ дѣлу сочиненіе можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ для полученія академической степени».

В., Представленіе комиссіи церковно-практическаго отдѣленія отъ 12 сего іюня: «Въ комиссію церковно-практическаго отдѣленія представлены сочиненія на степень кандидата студентами III курса, — Макаріемъ Эпури «О занятіяхъ клириковъ мірскими дѣлами», Алексѣемъ Адамовичемъ «Нравственный характеръ пастыря церкви по изображенію слова Божія», Иваномъ Оболенскимъ «Древне-русскія повѣсти, хранящіяся въ рукописяхъ Киевской духовной Академіи», Иваномъ Боровскимъ «Южно-русскія народныя легенды» и Николаемъ Лашкаревымъ «О виѣшнемъ благоприличномъ поведеніи клириковъ». Комиссія, рассмотрѣвъ означенныя сочиненія и выслушавъ отзывы о первыхъ двухъ профессора Лашкарева, а о трехъ послѣднихъ профессора Петрова, признала ихъ удовлетворительными для той цѣли, для какой они писаны».

а) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Петра Лашкарева о сочиненіи студента Макарія Эпури:* «Авторъ сочиненія «О занятіяхъ клириковъ мірскими дѣлами (по каноническимъ постановленіямъ)», въ общей части развиваетъ мысль, что церковь, выходя изъ понятія о служеніи и обязанностяхъ клириковъ, хотя и запрещала имъ занятія мірскими дѣлами, но не всякими вообще и не безусловно, и уясняетъ тѣ начала, которыми она въ этомъ отношеніи руководилась. По словамъ его, церковь принимала въ соображеніе прежде всего нравственную сторону извѣстнаго мірскаго занятія, а затѣмъ уже совмѣстимость или не-

совмѣстимость его съ спеціальнымъ служеніемъ клириковъ и полезность его въ видахъ удовлетворенія необходимыхъ физическихъ потребностей жизни. Эти общія положенія авторъ оправдываетъ потому, рассматривая самыя занятія мірскаго характера, о которыхъ упоминають каноны. Между этими занятіями онъ различаетъ: а) занятія съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, считавшіяся недозволительными клирику безусловно, и б) занятія съ характеромъ нравственнымъ неопредѣленнымъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ запрещались, а при другихъ допускались. Къ первымъ онъ относитъ: содержаніе корчемницъ и публичныхъ женщинъ, ростовщичество и воинское дѣло; къ послѣднимъ откупы и торговля дѣла, опеку и попечительство, поручительство и адвокатуру. Рассматривая каждое изъ этихъ занятій въ отдѣльности, авторъ уясняетъ свойство его въ древнемъ римскомъ и греко римскомъ мірѣ, указываетъ отношеніе къ нему тогдашняго гражданскаго законодательства, и потомъ уже переходитъ къ такому или иному воззрѣнію на него церкви. Знакомство автора съ источниками права какъ церковнаго, такъ и гражданскаго, съ сужденіями отцовъ и писателей церковныхъ по тому или иному предмету, равно и съ замѣчаніями нѣкоторыхъ изъ византійскихъ историковъ, даютъ его изслѣдованіямъ и выводамъ достаточную основательность. Изложеніе автора логично; языкъ правиленъ. Сочиненіе вообще можетъ быть признано очень удовлетворительнымъ».

б) *Его же отзывъ о сочиненіи студента Алексѣя Адамовича: «Авторъ сочиненія «Нравственный характеръ пастыря церкви по изображенію слова Божія», изложивъ на основаніи св. Писанія, по главнымъ образомъ словами Іоанна Златоуста (изъ книгъ о священствѣ) понятія о высокой важности и трудныхъ обязанностяхъ пастыря христіанской церкви, старается, на основаніи слова же Божія, обрисовать соотвѣтствующій этой важности и этимъ обязанностямъ нравственный характеръ лица, при-*

нимающего на себя это служеніе пастырское. Онъ указываетъ требуемыя отъ пастыря нравственныя качества: а) по отношенію его къ Богу, б) по отношенію къ ближнимъ и в) по отношенію къ самому себѣ. Примѣръ и ученіе Іисуса Христа, примѣръ и ученіе апостоловъ служатъ у него тѣми данными, изъ которыхъ извлекается и которыми подтверждается та или иная нравственная особенность христіанскаго пастыря. Какъ въ изображеніи значенія пастырскаго служенія, такъ и въ обрисовкѣ личнаго характера пастыря авторъ достаточно твердо держится на высотѣ христіанскаго идеала пастыря, и относится къ своему предмету съ одушевленіемъ и добрымъ чувствомъ. Построеніе сочиненія въ общемъ очень логично, хотя въ частностяхъ встрѣчаются и повторенія. Рѣчь автора отличается свободой и обиліемъ, хотя, какъ русская рѣчь иностранца, не достаточно правильна. Сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ для цѣли, съ какою представлено».

в) *Отзывъ экстраординарнаго профессора Николая Петрова о сочиненіи студента Пвана Оболенскаго*: «Сочиненіе студента Пвана Оболенскаго, подъ заглавіемъ — «Древне-русскія повѣсти, хранящіяся въ рукописяхъ Киевской духовной Академіи», имѣетъ своею задачею изслѣдовать часть нетронутаго матеріала, находящагося въ рукописяхъ Киевской Академіи. — «Мы займемся, говоритъ авторъ, апокрифами и повѣстями и обратимъ особенное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя вовсе не извѣстны въ литературѣ. Мы раздѣлимъ ихъ по содержанію на отдѣлы и въ началѣ cadaго будемъ дѣлать общій очеркъ повѣстей извѣстнаго отдѣла и при этомъ будемъ касаться источниковъ, изъ которыхъ древнерусскій грамотникъ почерпалъ свои свѣдѣнія о разныхъ предметахъ. Говоря о самыхъ повѣстяхъ, мы будемъ рассказывать содержаніе ихъ, сличать съ другими редакціями (если онѣ извѣстны въ литературѣ), указывать, на основаніи историческихъ данныхъ, на время появленія въ нашей литературѣ извѣстной

повѣсти и, наконецъ, будемъ объяснять нѣкоторыя мѣста, которыя покажутся намъ замѣчательными въ какомъ либо отношеніи».

Избранные для изслѣдованія апокрифы и повѣсти авторъ дѣлитъ на 4 разряда: 1) апокрифы; 2) повѣсти историческаго содержанія; 3) легенды и легендарныя повѣсти и 4) повѣсти свѣтскія.

Въ отдѣлѣ апокрифовъ разбираются: «повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ»; «сказаніе о бесѣдѣ царя Давида с царемъ Волотомъ Волотовичемъ о (6) вопросахъ и вѣдѣтихъ постороннаго града Іерусалима, у дуба Маврейскаго, у Креста Леванидова, у главы Адамовы»; «сказаніе о сотвореніи неба и земли» или свитокъ божественныхъ книгъ»; «сказаніе о солнечномъ теченіи і обычныхъ тварахъ, выписано изъ маргарита»; «Сказанія о громогласіи і молнии блистаніи»; «слово о Псалтири, егда Двѣдъ нача писати». Первые четыре апокрифа сравниваются съ извѣстными въ печати редакціями ихъ, причемъ указываются болѣе или менѣе замѣчательные варианты, послѣдніе же два апокрифа авторъ считаетъ еще неизвѣстными въ нашей ученой литературѣ.

Отдѣлъ историческихъ повѣстей заключаетъ въ себѣ повѣсти: «объ Александрѣ Македонскомъ», въ двухъ спискахъ; «Повѣсть о взятіи Цря града отъ безъбожнаго Магмета, Амуратова сына, Турскаго царя, еже при Константинѣ црѣ, сынѣ Мануйловѣ», въ двухъ спискахъ; «сказаніе Іоанна Пересвѣтова о царѣ Турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожеди книги греческія». Всѣ эти повѣсти уже извѣстны въ нашей ученой литературѣ.

Въ отдѣлу легендъ отнесены: «чюдо престыя Бцы о цревнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго», неизвѣстное въ нашей литературѣ; «чюдо престыя Бцы о нѣкомъ старцы», выписанное изъ сборника западнаго происхожденія, подъ заглавіемъ: «звѣзды пресвѣтлая», которому, однако, авторъ приписываетъ византійское происхожденіе; чудеса св. Николая—«чюдо о нѣ-

коемъ дѣтищѣ, его же святы Никола жива сохрани», «чюдо о Христофорѣ попѣ, како святой Николай избавилъ отъ посѣщенія меча», «чюдо свтго отца Николы о обнищавшемъ митыре, его же обогати златомъ и серебромъ», «чюдо о нѣкоемъ мужѣ Димитрии, его же сты Николае избави отъ потопленія», «чюдо стаго Николы о трехъ иконахъ и, «чюдо стаго Николы о трехъ друзѣхъ»; «чюдо стаго великомученика Димитрія Солунскаго о двухъ дѣвицахъ плѣненныхъ»; «Слово о Георгіи игумене горы Синайския, како восхищенъ ангеломъ і обрѣтеся во Іерлимѣ и паки во своей клети посаженъ бысть», находящееся въ прологѣ; «Слово отъ Лимониса, что ради не вниде стан Бца въ храмъ Киріака попа»,—тоже находящееся въ прологѣ; «повѣсть отца нашего Макарія зѣло полезна есть слышащимъ внимательно»; «о покаяніи нѣкоего князя зѣло полезно и о иерея, иже его и како исправи зѣло дивно»; «зѣло страшное наказаніе о прележномъ священникѣ»; «объ Амфилохѣ царѣ Срацынскомъ», находящаяся въ прологѣ подъ 26 числомъ ноября, хотя авторъ и не нашелъ ея здѣсь; «яко не подобаетъ осуждати попа»; «слово о стѣмъ Вонифатіи милостивѣмъ»; «слово о милостыни, яко дая нищему самому Христу даетъ», «слово отъ Патерика, яко не достоинъ ити отъ церкви, егда поютъ» (последнія четыре тоже напечатаны въ прологѣ); «слово стаго оца нашего Нифонта, како подобаетъ православнымъ христіаномъ на трапезѣ ясти съ молчаніемъ»; «яко здѣ лучше скорби терпѣти, нежели тамо»; «же чести воздавати родителемъ и не презирати ихъ зѣло ужасно и полезно», западнаго происхожденія; «притча изъ великаго зеркала страшна и велии ужасна всякому христіанину; «о видѣніи мукъ грѣшницы во адѣ»; «повестъ преславна и дшеполезна о царѣ Агее, како пострада гордости ради за евангельское слово»,—западнаго происхожденія; «о Удонѣ, епископѣ Магдебургскомъ» изъ Великаго зеркала; «повѣсть отъ Палестинскихъ Кроникъ, отъ древнихъ отецъ, добродѣтельное иноческое житіе проходящихъ списана»; «о

Христовомъ крестникѣ», доселѣ неизвѣстная въ печати; «легенда о ляхѣ и пресвитерѣ, помѣщающаяся въ сборникѣ «звѣзды пресвѣтлыя»; «повѣсть о винномъ питіи»; «сказаніе о бражникѣ пьюще вельми въ господскіе праздники до обѣда»; «повѣсть о смерти, или прѣніе живота со смертію».

Наконецъ, въ отдѣлѣ свѣтскихъ повѣстей рассмотрѣны: «повѣсть изъ древнихъ лѣтописцевъ о царѣ Антоніѣ и о матери его царицы Θεодулы и о женѣ его царицѣ же Аонисинѣ и о двухъ сынѣхъ ихъ Астріологѣ и Діоскорѣ, вельми полезна есть»; «исторія объ Ипполитѣ»; «исторія о Полионцыонѣ цесаревичѣ Египецкомъ и о прекрасной королевѣ Милитинѣ Италіанской и о дѣйствіи ихъ»; «исторія о храбромъ Гишпанскомъ королевичѣ Оранцелѣ Іменозеліусѣ и о прекрасной королевѣ великобританской и аглинской Раксонѣ и дивномъ дѣйствіи ихъ»; «повѣсть о російскомъ дворянинѣ Александрѣ»; «повѣсть зѣло дивна, града великаго Устюга купца Θомы Грудцына, и о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себе діаволу рукописаніе, и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыи Богородицы Казанскія»; «слово и сказаніе о нѣкоемъ купцѣ Θεодосіѣ»; «повѣсть о двухъ братахъ о Еремѣ с Θомою». —

Хотя авторъ сдѣлалъ довольно вѣрное опредѣленіе указанныхъ имъ видовъ повѣстей, — но не совсѣмъ правильно распредѣлялъ ихъ по намѣченнымъ имъ же самымъ отдѣламъ. Особенно это нужно сказать объ отдѣлѣ легендъ, къ коему отнесено много такихъ произведеній, которыя не имѣютъ легендарнаго характера. Но за то при разборѣ отдѣльныхъ произведеній повѣствовательной литературы авторъ обнаруживаетъ и умѣнье читать старинныя рукописи, часто не разборчивыя, и бережливое обращеніе съ буквою рукописей, которую онъ не позволяетъ измѣнять или исправлять по своему произволу, и тщательное изученіе варіантовъ ихъ въ сравненіи съ изданными редакціями, и наконецъ большое знакомство съ относящейся къ предмету со-

чиненія ученой русской литературой. Въ немногихъ только случаяхъ, указанныхъ нами выше, авторъ не вѣрно или не довольно обстоятельно объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ разбираемыхъ имъ памятниковъ. — Вообще же рассматриваемое сочиненіе, какъ первый ученый трудъ автора, отличающійся дѣйствительно научными приѣмами при изслѣдованіи подробностей, можетъ быть названо очень хорошимъ.

г) *Ею же отзывъ о сочиненіи студента Ивана Боровскаго:* «Сочиненіе студента Ивана Боровскаго, подъ заглавіемъ: «Южно-русскія народныя легенды» начинается опредѣленіемъ легенды и общимъ очеркомъ первоначальнаго происхожденія и образованія ея въ Россіи. При этомъ авторъ сочиненія довольно подробно говоритъ о важнѣйшемъ источникѣ легендъ апокрифахъ и о способахъ распространенія ихъ между народомъ. Приступая затѣмъ къ разбору самыхъ легендъ, авторъ замѣчаетъ, что большая половина ихъ занята изображеніемъ демоновъ и ихъ отношеній къ человѣку и его жизни, и дѣйствительно, выбираетъ большею частію такія легенды, которыя своимъ содержаніемъ подтверждаютъ его замѣчаніе. По недостатку времени, авторъ ограничился почти исключительно легендами, заключающимися въ «Сборникѣ южно-русскихъ народныхъ сказокъ» Рудченко и подвергнулъ своему изслѣдованію слѣдующія легенды: «пьяница и чортъ», «крепакъ и чортъ», «убогий чоловікъ и чортъ», «упырь и Миколай», «змій», «мачуха», «безщастный Данило и розумна жона», «москаль и смерть» и «гордый царь». Въ заключеніи авторъ кратко повторяетъ общія положенія о легендѣ, подтверждаемыя изслѣдованіемъ частныхъ, — и говоритъ о важности изученія легендъ, въ видахъ образованія простаго народа.

Предварительныя свѣдѣнія о легендѣ, ея историческомъ развитіи и источникахъ, по нашему мнѣнію, довольно растянуты. Изслѣдованіе отдѣльныхъ легендъ вообще отличается полнотою и обстоятельностью, но имѣетъ и нѣкоторые недостатки. По замѣ-

чанію автора, «каждая легенда состоитъ изъ двухъ элементовъ — народныхъ преданій стариннаго міа и христіанскихъ представлений», изъ коихъ «послѣдній народъ часто почерпалъ... большею частію изъ книгъ отреченныхъ». Что касается народныхъ миѳическихъ преданій въ разсматриваемыхъ легендахъ, то онѣ указаны авторомъ полно и обстоятельно, благодаря сличенію легендъ съ другими памятниками народнаго творчества. Но не всегда указаны книжные источники легендъ, хотя, по нашему миѳнію, не трудно было указать ихъ. Такъ, напримѣръ, при разборѣ легенды «упирь и Миколай» не показано сходства нѣкоторыхъ мотивовъ ея съ такими же мотивами сказанія пролога о Ѳеодорѣ купцѣ, «иже взявъ злато у жидовина, давъ поручника образъ Хртовъ» и др. Разсказъ «мачуха» имѣетъ аналогію съ повѣстью о царевнѣ Персикѣ, (впрочемъ еще не изданною); разсказъ о безчастномъ Данилѣ и разумной женѣ, по миѳнію нашихъ ученыхъ, коренится еще въ эпическихъ сказаніяхъ о богатыряхъ Владимірова цикла и, можетъ быть, отразился еще въ посланіи Даниїла заточника. Но авторъ не показалъ этого. Языкъ сочиненія — живой и легкій. Сочиненіе можетъ быть названо очень хорошимъ».

д) *Его же отзывъ о сочиненіи студента Николая Лашкарева*: «Сочиненіе студента Николая Лашкарева, подъ заглавіемъ: «О внѣшнемъ благоприличномъ поведеніи клириковъ», по изложенію своему, отличается логичностію и плавностію. Указавъ сначала общее требованіе древней церкви относительно клириковъ, «чтобы внѣшнее поведеніе ихъ не противорѣчило ихъ религіозному значенію и не служило соблазномъ для другихъ, авторъ разлагаетъ это правило, по его содержанію, на нѣсколько частныхъ правилъ: а) правило касательно общественныхъ обычаевъ и учреждений; б) правила касательно частной жизни клириковъ и в) о внѣшнемъ видѣ клириковъ (*de-habitu clericorum*). а) Въ отношеніи къ общественнымъ обычаямъ и учреждениямъ

церковь находила неприличнымъ для клириковъ посѣщать нѣкоторыя публичныя игры и зрѣлища, ходить въ общественныя бани и посѣщать корчемницы. б) Относительно домашней жизни, насколько она имѣетъ общественный характеръ, церковь предписывала клирикамъ вести себя скромно и благопристойно, соблюдать во всемъ умѣренность и простоту, сохранять важность и достоинство и избѣгать всего, что можетъ соблазнять другихъ и вызывать нареканія, въ частности, запрещала устроить пиршества, пиршествовать на бракѣ двоеженцевъ, запрещала пьянство и обжорство, употребленіе звѣроядины, мертвечины и т. п., запрещала смотрѣть на позорищныя представленія на бракахъ и пиршествахъ, запрещала пляски, игры и нескромныя разговоры, запрещала принимать въ супружество вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу и т. п. в) Во внѣшнемъ видѣ клирикъ долженъ имѣть отличительныя особенности, какъ-то: особенную стрижку волосъ. Церковь предписывала клирикамъ соблюдать простоту и скромность во всемъ внѣшнемъ видѣ; запрещалось носить монашескія, воинскія и друг. одежды; запрещалось всякое убранство и украшеніе тѣла и проч. Всѣ эти общія положенія подтверждаются цитатами изъ надлежащихъ источниковъ. Можно замѣтить только, что логическая сторона сочиненія преобладаетъ надъ фактической. Цитаты не вездѣ выставлены точно и отчетливо; вѣроятно, вслѣдствіе ошибокъ переписчика. Отъ того же, конечно, и въ самомъ текстѣ допущены нѣкоторыя ошибки, не вездѣ исправленныя авторомъ. Вообще сочиненіе очень хорошее».

Г., Прошеніе студента III курса богословскаго отдѣленія іеродіакона Алексѣя Петкова отъ 9 іюня: «Въ правилахъ Киевской духовной Академіи о переводѣ студентовъ изъ III курса въ IV говорится, что студентъ Академіи переводится изъ III курса въ IV, если онъ выдержитъ удовлетворительное устное испытаніе и представитъ удовлетворительное сочиненіе. Последняго условія

ни не могъ исполнить, именно не могъ представить сочиненія по слѣдующимъ обстоятельствамъ: во первыхъ, главная книга (Katholische Dogmatik von Kuhn), которая нужна была мнѣ для написанія сочиненія, получена изъ-за границы около 15 числа января мѣсяца 1872 г., и во вторыхъ, въ то время, когда получена эта книга, я принужденъ былъ на мѣсяцъ слишнимъ оставить свои занятія и выѣхать изъ Кіева по извѣстнымъ Правленію Академіи причинамъ. Представляя Совѣту Академіи, что эти обстоятельства помѣшали мнѣ написать на срокъ сочиненіе, какое требуется отъ студентовъ III курса для перевода ихъ въ IV, я осмѣливаюсь просить, — не найдетъ ли Совѣтъ Академіи возможнымъ перевести меня въ IV курсъ съ тѣмъ, чтобы я представилъ сочиненіе въ будущемъ сентябрѣ».

Д., Докладъ секретаря Совѣта Ивана Исаева: «Представляя при семъ три вѣдомости, составляющія сводъ балловъ поведенія и успѣховъ студентовъ III курса всѣхъ трехъ отдѣленій Академіи за три учебные года съ августа 1869 года по іюнь 1872 года, честь имѣю доложить, что 1) вѣдомости эти составлены на основаніи подлинныхъ списковъ: а) инспекторскихъ съ отмѣтками поведенія, б) экзаменаціонныхъ съ отмѣтками успѣховъ и в) преподавательскихъ съ отмѣтками достоинства семестровыхъ сочиненій.

2) По тѣмъ предметамъ, которые преподаны въ одинъ какой нибудь курсъ, экзаменный годовой баллъ, какъ окончательный, изъ графы этого курса безъ измѣненія перенесенъ и въ графу для средняго выводнаго балла; а по тѣмъ предметамъ, которые преподавались въ теченіе двухъ или трехъ курсовъ и по которымъ вслѣдствіе сего имѣются два или три годовыхъ экзаменныхъ балла, выведенъ изъ нихъ средній баллъ. Въ томъ случаѣ, когда средній баллъ выходилъ съ дробью, то эта послѣдняя уничтожалась на основаніи постановленія Св. Синода отъ 5/24 сентября 1869 года: «если при опредѣленіи средняго вывода ока-

жется дробь, то половина ($\frac{1}{2}$) и больше принимается за единицу, а меньше половины отбрасывается».

3) Въ среднемъ выводѣ высшіе баллы по поведенію и успѣхамъ во всѣхъ наукахъ, именно баллы 5 и 4, имѣютъ студенты богословскаго отдѣленія: Андрей Борковскій, Василій Григоровскій, Михаилъ Казанскій, Маркеллинъ Олесницкій, Иванъ Платоновъ, Ксенофонтъ Стояновскій, Михаилъ Тарасевичъ и Митрофанъ Ѳеодоровъ, —церковно-историческаго отдѣленія: Алексѣй Вертеловскій, Ѳеодоръ Малиновскій, Порфирій Мочульскій, Василій Приклонскій, Николай Рождественскій, Георгій Тишевъ (болгарь) и Павелъ Чудецкій; церковно-практическаго отдѣленія: Иванъ Боровскій, Василій Громаковскій, Павелъ Забѣлинъ, Николай Лашкаревъ и Макарій Эпури.

4) При высшихъ баллахъ 5 и 4 по поведенію и по каждому предмету имѣютъ баллъ 3: а) по одному предмету студенты богословскаго отдѣленія: Митрофанъ Романовскій —по нѣмецкому языку, іеродіаконъ Алексѣй Петковъ (болгарь) и Стефанъ Стефановскій по еврейскому языку; церковно-историческаго отдѣленія Андрей Борзаковскій—по французскому языку; церковно-практическаго отдѣленія—Иванъ Оболенскій и Ѳеодоръ Хорошунъ—по нѣмецкому языку; б) по двумъ предметамъ студенты церковно-историческаго отдѣленія: іеродіаконъ Константинъ Вафидисъ (грекъ) по логикѣ и исторіи философіи, Симонъ Лаперовъ (изъ Грузіи) по латинскому и нѣмецкому языкамъ; в) по тремъ предметамъ студенты богословскаго отдѣленія—протосингелъ Сильвестръ Баланеско (изъ Молдавіи),—по логикѣ, психологіи и исторіи философіи; церковно-практическаго отдѣленія—Евгеній Звѣревъ по священному писанію ветхаго завѣта, церковной археологіи и словесности; г) по четыремъ предметамъ студенты: богословскаго отдѣленія священникъ Николай Веселиновичъ (сербъ) по психологіи, исторіи философіи, латинскому и еврейскому языкамъ, церковно-историческаго отдѣленія діаконъ Милутинъ Стокичъ (сербъ)

по логикѣ, психологіи, библейской исторіи и латинскому языку; д) по шести предметамъ—основному богословію, логикѣ, психологіи, исторіи философіи, гомилетикѣ и нѣмецкому языку студентъ церковно-практическаго отдѣленія Алексѣй Адамовичъ, который, кромѣ того, не сдавалъ экзамена въ III курсѣ по метафизикѣ, педагогикѣ и церковному праву.

5) Студентъ церковно-историческаго отдѣленія Иванъ Вукотичъ (черногорецъ) имѣетъ баллъ 3 по поведенію и по успѣхамъ въ наукахъ, кромѣ логики, психологіи, исторіи философіи и латинскому языку, по которымъ онъ на второмъ курсѣ получилъ баллъ 2.

6) По окончаніи экзаменовъ заявили о своемъ намѣреніи со-всѣмъ оставить Академію слѣдующіе студенты изъ иностранцевъ: богословскаго отдѣленія священникъ Николай Веселиновичъ (сербъ), церковно-историческаго отдѣленія—діаконъ Милутинъ Стокичъ (сербъ), Георгій Тишевъ (болгаръ) и Иванъ Вукотичъ (черногорецъ), церковно-практическаго отдѣленія—Алексѣй Адамовичъ (сербъ), которые всѣ уже отправились на родину.

Справка 1. Студентами III курса церковно-практическаго отдѣленія Василиемъ Громаковскимъ, Павломъ Забѣлинымъ, іеродиаконъ Григоріемъ Зигавино и Ѳеодоромъ Хорошуновымъ своевременно представлены сочиненія на степень кандидата, которые по разсмотрѣніи и одобреніи въ церковно-практическомъ отдѣленіи, признаны удовлетворительными для полученія означенной степени Совѣтомъ Академіи по IV ст. журнала общаго собранія отъ 26 мая сего года.—Не представили сочиненій на степень кандидата студенты богословскаго отдѣленія—іеродиаконъ Алексѣй Петковъ и Стефанъ Стефановскій, церковно-историческаго отдѣленія—Георгій Тишевъ, церковно-практическаго отдѣленія—Евгеній Звѣревъ.

Справка 2. Въ исправленныхъ, согласно заключеніямъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, правилахъ Киевской ду-

ховной Академіи о срокахъ и порядкѣ производства испытаній на ученые степени сказано: «§ 3: Годичныя испытанія считаются окончательными, и полученныя на нихъ отмѣтки принимаются во вниманіе, при опредѣленіи студентамъ или званія дѣйствительнаго студента или степени кандидата. § 11. Съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи выпускаются тѣ воспитанники Академіи, которые на трехъ-годичныхъ испытаніяхъ оказали удовлетворительные успѣхи въ знаніи предметовъ академическаго курса, какъ общеобязательныхъ, такъ и одного изъ отдѣленій. Успѣхи считаются удовлетворительными, если баллъ по каждому предмету будетъ не ниже 3. § 14: Отмѣтки, дающія право студенту на полученіе степени кандидата, не должны быть ни по одному предмету ниже 4. § 15: Кромѣ устнаго испытанія, отъ студента Академіи для полученія степени кандидата требуется разсужденіе, которое должно представляться въ третьемъ курсѣ. Разсужденіемъ удовлетворительнымъ для степени кандидата можетъ быть признаваемо сочиненіе, если оно, при добромъ направленіи, обнаруживаетъ способность въ сочинителѣ къ ясному и отчетливому мышленію, и достаточную степень научнаго развитія. § 17: Сочиненіе на степень кандидата должно быть по своему содержанію богословскаго характера».

Справка 3. Въ 136 § Уст. дух. Акад. постановлено: «студенты, окончившіе въ третьемъ курсѣ испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе разсужденіе, признанное удовлетворительнымъ для степени кандидата, переводятся въ четвертый курсъ; оказавшіе же на семъ испытаніи успѣхи, за которые, по положенію объ ученыхъ степеняхъ, могутъ получить только званіе дѣйствительнаго студента, въ четвертый курсъ не переводятся, но выпускаются изъ академіи съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента». По § 88 лит. А. п. 2, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ предоставленъ утвержденію общихъ собраній Совѣта Академіи.

Справка 4. Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 30 іюня 1871 года за № 1412, между прочимъ, замѣчено: «ученыя степени присуждаются за извѣстные успѣхи академической учености и знанія не нѣкоторыхъ только, но всѣхъ предметовъ (общеобязательныхъ и специальныхъ по отдѣленіямъ) академическаго курса. При распредѣленіи въ университетскихъ факультетахъ предметовъ на главные и дополнительные, и при сравнительной многочисленности предметовъ, подлежащихъ изученію студентовъ академіи, даже по новому уставу, можетъ быть допущено, какъ и допускается въ университетахъ, нѣкоторое неравенство знаній и соотвѣтствующихъ имъ балловъ, можетъ быть терпимымъ сравнительно низшій баллъ 3, дающій право только на переходъ изъ курса въ курсъ, при общей состоятельности средняго или выводнаго балла, при окончаніи въ университетахъ полнаго и въ академіяхъ трехгодичнаго курса, но это пониженіе можетъ быть допущено или только въ отношеніи дополнительныхъ предметовъ, какъ въ университетахъ, или въ отношеніи возможныхъ случайныхъ упущеній академическаго студента по какому либо предмету академическаго курса, но никакъ не можетъ распространяться на цѣлые два курса къ общему ущербу академическаго образованія».

Справка 5. Согласно съ воспослѣдовавшимъ въ 1857 году Высочайшимъ повелѣніемъ, Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 11 марта
5 апрѣля 1869 года постановилъ: «поставить въ извѣстность начальства всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы они поступающимъ въ сіи заведенія иностранцамъ оказывали возможное снисхожденіе какъ на пріемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣснясь требованіями уставовъ тѣхъ заведеній».

Постановлено: А. Изъ представленныхъ на степень кандидата сочиненій, согласно съ заключеніями отдѣленій, признать удовлетворительными для полученія означенной степени сочиненія

слѣдующихъ студентовъ: богословскаго отдѣленія—протосингела Сильвестра Баланеско, Андрея Борковскаго, Василя Григоровскаго, Михаила Казанскаго, Маркеллина Олесницкаго, Ивана Платонова, Ксенофонта Стояновскаго, Михаила Тарасевича, Митрофана Романовскаго и Митрофана Ѳеодорова; церковно-историческаго отдѣленія—Андрея Борзаковскаго, іеродіакона Константина Вафидиса, Алексѣя Вертеловскаго, Симона Лаперова, Ѳеодора Малиновскаго, Порфирія Мочульскаго, Василя Приклонскаго, Николая Рождественскаго и Павла Чудецкаго, церковно-практическаго отдѣленія—Алексѣя Адамовича, Ивана Боровскаго, Николая Лашкарева, Ивана Оболенскаго и Макарія Эпури.

Б. Іеродіакону Алексѣю Петкову, по вниманію къ особымъ обстоятельствамъ его, дозволить представить изготавляемое имъ сочиненіе въ августѣ, и, по разсмотрѣніи его въ подлежащемъ отдѣленіи, имѣть разсужденіе о переводѣ его въ IV курсъ.

В. Студентовъ, сочиненія которыхъ признаны удовлетвори-тельными для полученія степени кандидата и которые имѣютъ въ среднемъ выводѣ за три курса по каждому изъ предметовъ обще-обязательныхъ и спеціальныхъ баллъ не ниже 4, или, при очень хорошихъ усилкахъ во всѣхъ наукахъ, имѣютъ баллъ 3 только по одному предмету, перевести изъ III въ IV курсъ, а именно: богословскаго отдѣленія—Андрея Борковскаго, Василя Григоровскаго, Михаила Казанскаго, Маркеллина Олесницкаго, Ивана Платонова, Ксенофонта Стояновскаго, Михаила Тарасевича, Митрофана Ѳеодорова и (при одной тройкѣ по нѣмецкому языку) Митрофана Романовскаго; церковно-историческаго отдѣленія—Алексѣя Вертеловскаго, Ѳеодора Малиновскаго, Порфирія Мочульскаго, Василя Приклонскаго, Николая Рождественскаго, Павла Чудецкаго, также Андрея Борзаковскаго (при одной тройкѣ по французскому языку), Симона Лаперова (грузина), и (грека) іеродіакона Константина Вафидиса (при двухъ тройкахъ); церковно-практическаго отдѣленія Ивана Боровскаго, Василя Громаковскаго, Павла Забѣлина,

Николая Лашкарева, Макарія Эпури, также Ивана Оболенскаго и Ѳеодора Хорошунова (при одной тройкѣ по нѣмецкому языку).

Г. Студентовъ изъ иностранцевъ, представившихъ удовлетворительныя для степени кандидата сочиненія, именно: богословскаго отдѣленія протосингела Сильвестра Баланеско (молдаванъ) и церковно-практическаго отдѣленія іеродіакона Григорія Зигавино (грекъ). изъ коихъ первый изъ четырнадцати предметовъ оказалъ очень хорошіе успѣхи по одинадцати предметамъ и только по тремъ предметамъ имѣетъ баллъ 3, а второй при шестнадцати оказалъ очень хорошіе успѣхи по десяти и получилъ баллъ 3 по шести предметамъ, перевести въ IV курсъ по вниманію къ тому обстоятельству, что означенный недостатокъ въ баллахъ могъ произойти отъ несовершеннаго знакомства съ русскимъ языкомъ.

Д. Студентовъ: Стефана Стефановскаго, Георгія Тишева и Евгенія Звѣрева, не представившихъ сочиненій на степень кандидата, священника Николая Веселиновича и діакона Милутина Стокича, хотя представившихъ сочиненія на ученую степень, но не совсѣмъ удовлетворительныя, и получившихъ при томъ на испытаніяхъ баллъ 3 по четыремъ предметамъ, Алексѣя Адамовича, написавшаго удовлетворительное для ученой степени сочиненіе, но имѣющаго баллъ 3 по девяти предметамъ и не сдававшаго экзамена по тремъ наукамъ, наконецъ Ивана Вукотича, который представилъ сочиненіе, признанное не вполне удовлетворительнымъ, и который изъ 18 предметовъ получилъ по 13 предметамъ баллъ 3 и по 5-ти баллъ 2, выпустить изъ Академіи съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента.

II. *Слушамъ*: А. Допесеніе Коммиссіи церковно-историческаго отдѣленія отъ 13 го іюня 1872 года: «Представляя при семъ сочиненіе бывшаго студента Академіи П. Янкорскаго подъ заглавіемъ: «О печалованіи духовенства за опальныхъ въ древней Руси», коммиссія имѣетъ честь донести Совѣту, что, согласно съ

мнѣніями рецензентовъ, при семъ прилагаемыми, она признаетъ это сочиненіе удовлетворительнымъ для степени кандидата».

а) *Экстраординарнаго профессора Филиппа Терновскаго*: «Послѣ вступленія, въ которомъ идетъ рѣчь о дурномъ направленіи современной литературы и объ ея нападкахъ на духовенство, слѣдуетъ первая часть проникнутая такимъ же мрачнымъ взглядомъ, только обращеннымъ по отношенію къ прошедшему. Авторъ руководясь главнымъ образомъ исторіею Соловьева, громоздитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайне дурномъ положеніи древле-русской нравственности во всѣхъ отношеніяхъ. Критики фактовъ почти не замѣтно, напротивъ того видно стремленіе обобщить частные факты въ ущербъ справедливости, лишь бы только представить въ болѣе мрачномъ видѣ древнюю Русь. Изображеніе господства, насилія и произвола въ древней Руси нужно было автору, чтобы вывести отсюда необходимость, важность и пользу печалованія, но можно бы поговорить о нравственномъ состояніи древней Руси гораздо короче и умѣреннѣе.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на византійскую исторію и довольно обширно излагаетъ права византійскаго духовенства и его дѣйствія въ пользу угнетенныхъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ и затѣмъ ограниченіе этихъ правъ и дѣйствій въ періодъ разложенія Византіи.

Наконецъ авторъ добирается до исторіи печалованія въ древней Руси, что собственно должно бы составлять исключительный предметъ изслѣдованія. Въ исторіи древле-русскаго (также какъ и византійскаго) печалованія авторъ различаетъ два періода—періодъ силы и упадка сообразно положенію духовенства. Первый періодъ, по мнѣнію автора, соотвѣтствуетъ удѣльно-вѣчевому періоду древнерусской жизни; второй—періоду московской централизациі. Изложенію фактовъ печалованія въ томъ и другомъ періодѣ авторъ предпосылаетъ изображеніе тогдашняго положенія духовенства, обширное болѣе надлежащаго. Что касается до са-

ныхъ фактовъ печалованія, то за удѣльно-вѣчевой періодъ авторъ перечисляетъ и излагаетъ 31 фактъ печалованія (6-ть въ XI и XII вв., 10-ть въ XII и XIII вв., 15-ть въ XIV и XV вв.). За періодъ московской централизаціи авторъ излагаетъ со всѣми историческими обстоятельствами подвиги печалованія московскихъ митрополитовъ: Симона, Данила, Варлаама, Іоасафа, Макарія, Іоанасія, св. Филиппа, Кирилла, епископа Смоленскаго Варсоноія, архимандрита Феодорита, протоіерея Сильвестра, Іосифа Волоцкаго, Филофея Псковскаго, Фотія Волоколамскаго, Порфирія Грохницкаго, митрополита Діонисія, митрополита Геласія, патріарховъ Гермогена, Никона, Іоакима, Адріана и т. д.

Въ заключеніи авторъ излагаетъ общія соображенія о значеніи печалованія.

Въ сочиненіи есть не мало лишняго. Въ перепискѣ видна небрежность: въ изложеніи какая то опрометчивость, а по мѣстамъ буквальныя заимствованія (особенно изъ исторіи Соловьева), но видно также и усердное отношеніе къ дѣлу и обиліе свѣдѣній — плодъ многолѣтнихъ трудовъ. Посему сочиненіе должно быть признано заслуживающимъ академической степени.

б) *Экстраординарнаго профессора священника Александра Воскресенскаго*: «Авторъ самъ указалъ порядокъ изслѣдованія избраннаго предмета. Все сочиненіе, по представленному оглавленію, состоитъ изъ 3-хъ частей: введенія, изслѣдованія и заключенія.

1. Введеніе состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: а) изъ общихъ замѣчаній по поводу нападокъ, дѣлаемыхъ на духовенство въ настоящее время въ литературѣ; б) изъ разсмотрѣнія причинъ, вызвавшихъ печалованіе въ первенствующей церкви Христовой и потомъ въ церкви русской и в) способовъ проявленія печалованія въ церкви христіанской вообще и въ частности въ церкви русской.

а) Дурное направлєніе современной свѣтской литературы и нападки ея на духовенство и вообще на религіозную сторону жизни представлены въ слишкомъ мрачномъ видѣ. Авторъ говорить о повѣстяхъ и различныхъ статьяхъ съ дурнымъ направлєніемъ, но не наименовываєтъ ни одной, вслѣдствіе чего теряется довѣріе къ словамъ его:

б) «Печалованіе духовенства, говоритъ сочинитель, за опальныхъ какъ въ первенствующей, такъ и въ древне русской церкви вызвано было крайнимъ несоотвѣтствіемъ устройства и состоянія древняго русскаго общества съ нравственно-религіозными началами и требованіями христіанства. «Выходя изъ этого общаго положенія, авторъ раскрываєтъ, что въ греко-римскомъ обществѣ, въ цвѣтущее время имперіи, жестокое обращеніе съ опальными зависѣло отъ того, что идеи христіанства, проникнутыя любовію, не вытѣснили идей языческихъ, что вмѣстѣ съ остатками языческихъ идей въ представителяхъ общества» господствовалъ грубый эгоизмъ, преобладаніе слабаго надъ сильнымъ, строгость и жестокость законовъ къ преступникамъ и особенно, наконецъ, своеволие и своекорыстіе судей и правителей, часто изъ за своихъ личныхъ выгодъ дѣлавшихся бичами своего народа. «Затѣмъ правительственныя лица даже и изъ христіанъ не всегда, какъ должно понимали и выполняли требованія вѣры по отношенію къ ихъ обязанностямъ, какъ потому, что эти требованія были для нихъ новы, такъ и потому, что старый законъ часто заставлялъ ихъ дѣйствовать въ иномъ духѣ». Наконецъ въ эпоху разложенія имперіи, говоря словами Пахимера «Греція унодоблялась человѣку, раздражающему члены собственнаго своего организма».

Тяжелая участь угнетаемыхъ, несчастныхъ и опальныхъ, ихъ страданія, побудили пастырей церкви взять ихъ подъ свою защиту и покровительство. Таково происхожденіе печалованія въ Греціи.

Подобнымъ методомъ авторъ изслѣдуетъ причины печалованія пастырей церкви объ опальныхъ и въ русскомъ обществѣ. Причины эти—господство насилія и произвола, которые порождены крайне дурнымъ положеніемъ древле-русской нравственности во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь авторъ (на 120 страницахъ) привести огромное количество фактовъ насилія, деспотизма какъ въ семейной жизни, такъ и въ общественной; здѣсь указаны деспоты въ лицѣ главы семейства, въ лицѣ князей, судей—правителей и царей,—приведены всевозможные факты грабежей и насилій во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ. Послѣ такой, можно сказать, безотрадной картины очевидно выпуклѣе и возвышеннѣе становится фактъ печалованія церкви объ опальныхъ, къ изображенію котораго авторъ и переходитъ.

в) Самый способъ печалованія какъ въ русской, такъ и византийской церкви былъ одинаковъ,—это: а) пастырское убѣжденіе, наставленія и обличенія въ формѣ поученій и писемъ; б) личныя ходатайства пастырей за опальныхъ и в) принятіе опальныхъ подъ свой кровъ и защиту.

2. *Изслѣдованіе.* Выходя изъ той мысли, что церковь вообще и церковь русская въ частности никогда не присвоила себѣ вліянія на устройство формъ гражданского быта и имѣла отношенія къ обществу чисто нравственныя, успѣшное или неуспѣшное выполненіе которыхъ условливалось духомъ общественныхъ учреждений, строемъ и направленіемъ жизни, характеромъ народнаго образованія и общихъ стремленій, что все отражалось на внутреннемъ бытѣ духовенства и расширяло или стѣсняло религіозно-нравственно-воспитательное вліяніе церкви на общество человеческое, авторъ прилагаетъ этотъ законъ и къ печалованію церкви за опальныхъ. Потому исходнымъ пунктомъ изслѣдованія поставляетъ такое положеніе: «смотря потому, какъ въ разныя эпохи жизни древняго грекоримскаго и русскаго міра видоизмѣнялось, съ одной стороны развитіе опалы, а съ другой—внѣшнее—соці-

альное и внутреннее религиозно-нравственное положение духовенства, такъ точно видоизмѣнялась и степень проявленія его печалованія за опальныхъ». Послѣ сего авторъ излагаетъ исторію печалованія 1) въ церкви греко-римской и 2) въ церкви русской.

1) Излагая исторію печалованія въ церкви греко-римской, авторъ указываетъ двѣ эпохи въ печалованіи пастырей церкви за опальныхъ. Первая цвѣтущая эпоха въ періодъ политическаго могущества греко-византійской имперіи, обнимающая собою золотые вѣка для церкви вообще. Здѣсь подробно изложено, какъ пастыри церкви, пользуясь своими правами, принимали участіе въ дѣлахъ гражданскихъ и даже наблюдали за точнымъ исполненіемъ гражданскихъ законовъ. Въ частности указаны примѣры печалованія въ лицѣ: Григорія Богослова, Синезія, епископа Пентапольскаго, Флавіана, епископа Антіохійскаго, Василия Великаго.

Вторая эпоха—эпоха упадка печалованія въ періодъ разложенія Византіи. Здѣсь подробно указаны ограниченіе и стѣсненіе правъ церкви въ дѣлѣ печалованія и вообще паденіе религиозно-нравственнаго авторитета церкви и пастырей.

2) Прилагая историческій законъ хода печалованія въ церкви греко-римской къ церкви русской, авторъ указываетъ и въ церкви русской двѣ эпохи въ исторіи печалованія. «Двѣ великія эпохи обнимаютъ собою періодъ древне-русской жизни—эпоха преобладанія родовыхъ началъ и эпоха господства началъ государственныхъ».

Первая эпоха, соотвѣтствующая удѣльно-вѣчевому періоду древне-русской жизни, была самая благопріятная для печалованія. «Древле-русское духовенство, въ эпоху преобладанія родовыхъ началъ, пользовалось такимъ же религиозно-нравственнымъ авторитетомъ, какимъ обладало оно въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ въ эпоху процвѣтанія въ немъ христіанства». Вслѣдъ за симъ авторъ подробно излагаетъ все, что дѣлали князья въ пользу православной церкви и духовенства. За тѣмъ излагаетъ самые факты

печалованія по вѣкамъ, указываетъ самое число фактовъ печалованія въ примѣрахъ лицъ, печаловавшихъ за опальныхъ, съ объясненіемъ причинъ постепеннаго возрастанія успѣховъ печалованія. Такимъ образомъ въ XI вѣкѣ указано 6-ть примѣровъ печалованія; изъ лицъ печаловавшихъ поименованы, съ подробнымъ раскрытіемъ самаго способа печалованія: Ѳеодосій Печерскій, митрополиты: Никифоръ 1-й (1108) и Николай (1098) и епископъ Новгородскій Лука Жидята (1036—60). Въ XII и XIII в. 10-ть фактовъ печалованія. Лица—печаловники—а) митрополиты: Михаилъ, Климентъ, Никифоръ, Матѳей и Кирьялъ 1-й; б) епископы: Порфирій и Арсеній Рязанскіе, Лука Владимірскій, Игнатій Смоленскій, Симеонъ Тверскій и в) инокъ Варлаамъ Хутынский. Въ XIV и XV вв. 15-ть печаловниковъ, это—а) митрополиты: Ѳеогностъ, Алексѣй, Іона, Филиппъ 1-й и Геронтій; б) епископы: Василій, Алексѣй, Симеонъ, Евфимій, Іона и Ѳеофилъ; в) иноки: Григорій, Кириллъ Бѣлозерскій, Мартиніанъ и Серапіонъ. «Такимъ образомъ въ эпоху преобладанія родовыхъ началъ всѣхъ печаловниковъ за опальныхъ среднимъ числомъ было 31 человекъ».

Вторая эпоха печалованія въ періодъ преобладанія государственныхъ началъ—эпоха не совсѣмъ счастливая для печалованія, вслѣдствіе деморализаціи общества и духовенства и вслѣдствіе измѣненія государственною властію прежнихъ патріархальныхъ отношеній къ церкви и духовенству на полное подчиненіе себѣ церковной власти,—при чемъ подробно раскрыты отношенія между духовною и свѣтскою властію и ограниченіе правъ церкви и духовенства при Іоаннѣ Грозномъ и Алексѣѣ Михайловичѣ.

Несмотря однакожъ на всѣ невыгодныя обстоятельства для печалованія въ эпоху преобладанія государственныхъ началъ, оно не только не могло «сразу уничтожиться, но напротивъ въ предсмертной, такъ сказать, агоніи своей должно было еще болѣе усилиться». И исторія съ своей стороны представляетъ цѣлый рядъ печаловниковъ и въ эту эпоху какъ изъ высшихъ предста-

вителей духовенства такъ и изъ низшихъ. Трудность печалованія была причиною того обстоятельства, что духовенство въ разсматриваемую эпоху—въ эпоху опалы вслѣдствіе борьбы старыхъ порядковъ съ новыми—печаловалось большею частію соборомъ, чтобы придать больше силы и значенія своему защитительному голосу въ пользу опальныхъ. Въ слѣдъ за сими общими положеніями авторъ со всѣми историческими подробностями излагаетъ подвиги печалованія, раздѣляя печаловниковъ на самостоятельныхъ и на участниковъ въ печалованіи; но изложены подвиги только самостоятельныхъ печаловниковъ—митрополитовъ: Симеона, Варлаама, Даниїла, Іоасафа, Макарія, Афанасія, Германа, Филиппа II и Кирилла III, епископа Варсонофія Смолэнскаго, архимандрита Теодорита, протопопа Сильвестра, иноковъ: Іосифа Волоцкаго, Филофея Ісковскаго, Фотія Волоколамскаго, Порфирія Троицкаго, патріарховъ: Гермогена, Никона, Іоанникія, Адріана и друг.

3) Въ заключеніи авторъ опредѣляетъ значеніе печалованія въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ съ разъясненіемъ ихъ: «Древле-русское духовенство своимъ печалованіемъ за опальныхъ содѣйствовало прежде всего прогрессивному развитію социально-политическаго благоустройства древне-русскаго міра, подобно тому, какъ печалованіе пастырей первенствующей церкви содѣйствовало благоустройству міра грекоримскаго». Далѣе—«печалованіе пастырей первенствующей церкви и древне-русскаго духовенства не оставалось безполезнымъ и для развитія и усовершенствованія самаго законодательства». Въ заключеніе всего рѣшается вопросъ: «не стѣсняло ли духовенство своимъ печалованіемъ государственную власть при исполненіи ею своей высокой обязанности и законъ при преслѣдованіи имъ преступленія, какъ думалъ Грозный и другіе?» и рѣшаетъ положительно т. е. нисколько не стѣсняло, потому что древле-русское духовенство, какъ и пастыри первенствующей церкви, въ своемъ печалованіи за отечество, имѣли

въ виду только оправдать свое высокое значеніе—полагать душу свою за овцы своя.

Изъ представленнаго содержанія сочиненія нельзя не видѣть громадности употребленнаго авторомъ на составленіе его труда. Свѣдѣній и матеріаловъ собрано множество, но это обиліе свѣдѣній и фактовъ было причиною того, что авторъ не сумѣлъ распорядиться добытыми свѣдѣніями какъ слѣдуетъ. Во первыхъ—въ сочиненіи много лишняго, особенно въ 2-й части введенія; во вторыхъ собраннымъ фактамъ не сдѣлано критической оцѣнки; въ третьихъ—въ изложеніи нѣтъ обработанности, а въ перепискѣ видна крайняя небрежность. Не смотря на эти недостатки, сочиненіе по богатству содержанія, по моему мнѣнію, вполне удовлетворительно для полученія академической степени кандидата.

в) *Ординарнаго профессора Ивана Малышевскаго*: «Уже чрезмѣрная объемистость сочиненія, предметъ котораго очень не сложенъ и ясенъ, заставляетъ ожидать, что тутъ не мало лишняго. Лишнимъ оказывается большая часть того, что говоритъ авторъ въ длинномъ введеніи. Его «общія замѣчанія по поводу нападокъ, дѣлаемыхъ на духовенство въ настоящее время въ литературѣ» въ сущности ни къ чему не ведутъ. Слѣдующія за тѣмъ общія разсужденія «о причинахъ вызвавшихъ печалованіе въ первенствующей церкви христіанской и потомъ въ церкви русской» и «способы проявленія печалованія въ церкви христіанской вообще, въ частности въ церкви русской» могли бы быть умѣстны; главныя мысли, здѣсь высказываемыя, имѣютъ свою долю правды. Но въ развитіи и доказываніи ихъ авторъ вдался въ такія натяжки, произвольныя обобщенія и многорѣчіе, что и эти общія разсужденія его едва не теряютъ всей своей цѣны. Впрочемъ слѣдующая за введеніемъ часть сочиненія, которую авторъ называетъ «исслѣдованіемъ» и которая дѣйствительно говоритъ о томъ, о чемъ слѣдовало говорить, имѣетъ свой интересъ. Здѣсь въ порядкѣ изложена исторія печалованія въ древней Руси въ пері-

одъ удѣльно-вѣчевой и въ періодъ московской централизаціи. Факты, не только прямо, но и косвенно, относящіеся къ предмету, исчерпаны со всею полнотою. Изложенію фактовъ въ каждомъ періодѣ предпосылается изображеніе современнаго положенія духовенства, вообще вѣрное и довольно отчетливое.

Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ общіе выводы о значеніи печалованія. Не смотря на указанные недостатки, сочиненіе, стоившее автору большаго труда, можетъ быть признано удовлетворительнымъ для степени кандидата.

Справка 1. По вѣдомостямъ о поведеніи и успѣхахъ воспитанниковъ XXIV курса Киевской духовной Академіи Петръ Янковскій имѣетъ слѣдующіе баллы: а) по поведенію 4, б) по успѣхамъ въ наукахъ: исторіи философіи $3\frac{1}{3}$, психологіи 3, патрологіи $2\frac{3}{4}$, словесности $3\frac{1}{2}$, русской гражданской исторіи 4, всеобщей гражданской исторіи $3\frac{3}{4}$, догматическому богословію 3, нравственному богословію $2\frac{7}{8}$, обличительному богословію $3\frac{1}{4}$, священному Писанію $3\frac{1}{6}$, гомилетикѣ $3\frac{1}{8}$, педагогикѣ $3\frac{1}{4}$, библейской исторіи $3\frac{1}{2}$, новой церковной исторіи $3\frac{3}{8}$, исторіи русской церкви $3\frac{1}{8}$, ученію о русскомъ расколѣ $3\frac{1}{4}$, каноникѣ и литургикѣ $3\frac{1}{2}$ и въ языкахъ—еврейскомъ 2, латинскомъ 3, греческомъ 3 и французскомъ 3; в) по семестровымъ сочиненіямъ: $3\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, 3, 3, 3, $3\frac{1}{2}$, 3, $3\frac{1}{2}$, 3, 3, 3, $4\frac{1}{2}$, 3, $2\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 3, 3, $3\frac{1}{2}$.

Справка 2. Петръ Янковскій окончилъ курсъ въ 1869 году, опредѣленъ учителемъ Стародубскаго духовнаго училища 31 августа 1871 года, а съ 1 мая 1872 года состоитъ помощникомъ инспектора въ Тульской духовной семинаріи.

Постановлено: Какъ за представленное на ученую степень сочиненіе, признанное удовлетворительнымъ, такъ и за хорошіе успѣхи и очень хорошее поведеніе въ продолженіи полнаго академическаго курса, удостоить Петра Янковскаго степени кандидата богословія и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи его въ сей степени.

III. *Слушали:* а) Докладъ секретаря Совѣта Академіи: «29-го истекшаго мая скончался отъ холерной эпидеміи и 31 того же мая по церковному обряду преданъ землѣ на Щековицкомъ кладбищѣ экстраординарный профессоръ Кіевской духовной Академіи Георгій Подгурскій, занимавшій кафедру новой общей гражданской исторіи и состоявшій членомъ Совѣта Академіи; по этому не признаетъ ли Совѣтъ благовременнымъ сдѣлать соответствующія обстоятельствамъ распоряженія касательно замѣщенія вакансій преподавателя новой общей гражданской исторіи и члена Совѣта Академіи».

б) Прошеніе доцента Кіевской духовной Академіи Алексѣя Розова отъ 1 іюня сего года: «Шокорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи предоставить мнѣ, вмѣсто занимаемой мною теперь кафедры, вакантную кафедру новой общей гражданской исторіи. Къ своей просьбѣ я побуждаюсь тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя сравнительно съ древней гражданской исторіей представляетъ преподавателю ея болѣе возможности для самостоятельнаго труда по первичнымъ, не разработаннымъ источникамъ».

в) Словесное заявленіе помощника Ректора Ивана Малышевскаго: «церковно-историческое отдѣленіе имѣетъ въ виду кандидатовъ на кафедру всеобщей гражданской древней исторіи, но, по краткости времени, не могло получить такихъ свѣдѣній отъ нихъ, чтобы выразить свою рекомендацію болѣе опредѣлительно, и надѣется сдѣлать это въ самомъ началѣ будущаго учебнаго года. Впрочемъ, отдѣленіе находитъ не излишнимъ теперь же объявить конкурсъ на занятіе означенной кафедры».

Справка 1. По § 113 Уст. дух. акад. «Общая гражданская исторія», относится къ специальнымъ предметамъ церковно-историческаго отдѣленія и преподаваніе ея, по приложенію къ 117 § того же Устава, распределяется между двумя преподавателями.

Справка 2. По 85 § Уст. дух. акад. Члены Совѣта избираются отдѣленіями, по два отъ каждаго отдѣленія, изъ принадлежащихъ къ ихъ составу ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ.

Постановлено: Доценту Розову, согласно его прошенію, предоставить преподаваніе новой общей гражданской исторіи; на кафедре древней гражданской исторіи предоставить церковно-историческому отдѣленію рекомендовать кандидата къ началу предстоящаго учебнаго года и объявить конкурсъ; избраніе же на вакансію члена Совѣта, по случаю вакаціоннаго времени, на основаніи примѣчанія къ § 91 Уст. дух. акад., произвести по наступленіи новаго учебнаго года.

IV. Слушали: Отношеніе Совѣта Императорскаго университета св. Владиміра отъ 2 іюня 1872 года за № 782: «По ходатайству историко-филологическаго факультета, Совѣтъ университета св. Владиміра, въ засѣданіи 31 минушаго мая, избралъ профессора Киевской духовной Академіи, Терновскаго въ доценты университета св. Владиміра по кафедрѣ церковной исторіи. Сообщая объ этомъ, Совѣтъ университета св. Владиміра имѣетъ честь покорнѣйше просить Киевскую духовную Академію увѣдомить его: нѣтъ ли препятствій со стороны Академіи къ опредѣленію г. Терновскаго въ должность доцента при университетѣ и о присылкѣ въ послѣднемъ случаѣ послужнаго списка г. Терновскаго».

Постановлено: Увѣдомить Совѣтъ Киевскаго университета, что со стороны Совѣта Киевской духовной Академіи нѣтъ препятствій къ опредѣленію г. Терновскаго въ должность доцента при университетѣ по кафедрѣ церковной исторіи, и выслать копію съ послужнаго списка его.

V. Слушали: Донесеніе помощника Ректора по церковно-историческому отдѣленію ординарнаго профессора Ивана Малышевскаго: «Возвращая при семъ сочиненіе профессора Никифора Щеголева, подъ заглавіемъ: «Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія»,—имѣю честь донести Совѣту, что въ сочиненіи этомъ, по моему мнѣнію, не представляется препятствій къ разрѣшенію со стороны Совѣта профессору Щеголеву издать свой трудъ въ печати».

Справка. По III ст. журнала общаго собранія Совѣта Академіи отъ 26 мая 1872 г. постановлено: передать сочиненіе г. Щеголева въ церковно-историческое отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы, по рассмотрѣніи, представило Совѣту Академіи свой отзывъ.

Постановлено: Ординарному профессору Никифору Щеголеву разрѣшить напечатаніе сочиненія его подъ заглавіемъ: «Призва-

ніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія», написанное пмъ для соисканія степени доктора богословія.

VI. Слушали: Прошеніе ординарнаго профессора Киевской духовной Академіи Ивана Малышевскаго отъ 12 сего іюня: «Представляя при семъ въ корректурныхъ листахъ (въ количествѣ 26 листовъ) часть моего сочиненія подъ заглавіемъ: «Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій и его участіе въ дѣлахъ русской церкви», имѣю честь просить Совѣтъ разрѣшить эту часть къ напечатанію, печатаніе остальной части, по представленіи ея въ Совѣтъ для цензуры, будетъ окончено во 2-й половинѣ августа, когда я и намѣренъ представить это сочиненіе въ качествѣ диссертациі на степень доктора».

Постановлено. Разсмотрѣніе и разрѣшеніе къ печати какъ представленной, такъ и остальной части сочиненія профессора Ивана Малышевскаго поручить Ректору Академіи.

VII. Слушали: Отзывы ординарныхъ профессоровъ Киевской духовной Академіи: а) архимандрита Филарета отъ 13 сего іюня: «Въ виду истеченія трехгодоваго срока для обязательнаго представленія ординарными профессорами сочиненій на ученую степень доктора богословія долгомъ поставлю привести въ извѣстность Совѣтъ Академіи, что, приготовивъ для этой цѣли сочиненіе «О происхожденіи книги Іова» по предмету занимаемой мною кафедрѣ священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, я доселѣ успѣлъ напечатать только часть его въ мартовской и майской книжкахъ издаваемаго Академіею журнала. Остальная часть будетъ напечатана въ книжкахъ за слѣдующіе мѣсяцы того же журнала. По окончаніи печатанія, надѣюсь представить въ полномъ видѣ трудъ свой не позже будущаго сентября». б) Дмитрія Поспѣхова отъ 11 іюня: «Для полученія ученой степени доктора богословія я przygotowляю сочиненіе богословско-философскаго характера подъ заглавіемъ: «О характерѣ и происхожденіи книги Премудрости Соломоновой вообще и объ отношеніи ея къ религіозной философіи іудейско-Александрійской въ особенности». Большая часть этого сочиненія уже готова къ печати. Черезъ мѣсяць или полтора и остальная часть будетъ готова. За тѣмъ я надѣюсь, что не позже сентября мѣсяца все это сочиненіе будетъ отпечатано и представлено мною въ Совѣтъ Академіи въ качествѣ диссертациі на степень доктора богословія. О чемъ и имѣю долгъ сообщить». в) Архимандрита Сильвестра: «Долгъ имѣю привести въ

извѣстность Совѣтъ Академіи о томъ, что на степень доктора я приготавливаю сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства» и предполагаю представить его въ рукописи въ началѣ слѣдующаго учебнаго года, — въ августъ или сентябрь».

Справка 1. Со введеніемъ Высочайше утвержденнаго въ 30 день мая 1869 года Устава и штата въ Киевской духовной Академіи, по распредѣленіи кафедръ между наличными преподавателями и образованіи состава Совѣта Академіи, въ ближайшемъ общемъ собраніи его 12 сентября 1869 года, въ исполненіе 4-го пункта указа Св. Синода отъ 3 іюня того же года за № 27, отобраны были отъ девяти наличныхъ ординарныхъ профессоровъ Академіи подписки въ томъ, что они въ теченіи трехъ лѣтъ, по утвержденіи новаго Устава и штата академій, озаботятся непременно представленіемъ диссертаций, или, вмѣсто диссертаций, ученыхъ сочиненій своихъ по принадлежащимъ къ преподаваемой ими наукѣ предметамъ для полученія степени доктора, согласно требованіямъ Устава, а въ случаѣ, если не получатъ въ этотъ срокъ степени доктора, должны оставить службу при Академіи».

Справка 2. Изъ девяти ординарныхъ профессоровъ, давшихъ упомянутыя въ первой справкѣ подписки, Давидъ Подгурскій былъ изъ Академіи за выслугою 40-лѣтія, Иванъ Бобровницкій 1-го сентября сего года окончить 25-лѣтній срокъ профессорской службы, установленный 59 § Уст. дух. Акад., Константинъ Скворцовъ и Василій Пѣвницкій представили требуемыя сочиненія, при чемъ первый утвержденъ уже въ докторской степени указомъ Св. Синода отъ 24 апрѣля сего 1872 года за № 666, а второй представленъ къ утвержденію; за тѣмъ Никифоръ Щеголевъ по V ст. сего журнала получаетъ разрѣшеніе Совѣта Академіи напечатать свое сочиненіе, а разсмотрѣніе и разрѣшеніе къ печати сочиненія Ивана Малышевскаго, по VI ст. сего журнала, поручается Ректору Академіи.

Постановлено: Въ виду того, что къ сроку, установленному 4-мъ пунктомъ указа Св. Синода отъ 13 іюня 1862 г. за № 27, пять ординарныхъ профессоровъ не получаютъ докторской степени, а только по отзывамъ ихъ, представляютъ оканчиваемыя ими теперь сочиненія на эту степень, довести о семъ до свѣдѣнія Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Киевскаго и просить ходатайства

Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи истекающаго трехгодоваго срока на означаемое ими время.

VIII. Слушамъ: Представленную церковно-историческимъ отдѣленіемъ программу конкурса для лицъ, желающихъ занять каѳедру гражданской общей древней исторіи въ Киевской духовной Академіи: Желающій занять означенную каѳедру приглашается представить въ Совѣтъ Киевской Академіи къ 1-му декабря 1872 года:

1) Дипломъ на степень магистра или доктора богословія, полученную въ одной изъ духовныхъ Академій, или на степень доктора историческихъ наукъ, полученную въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

2) Разсужденіе, по которому пріобрѣтена ученая степень, и, если имѣются, другія печатныя или рукописныя сочиненія по предмету каѳедры.

3) Программу лекцій по предмету каѳедры. Соискатель, по § 50 уст. духов. Академій, долженъ прочесть публично въ присутствіи комиссіи изъ профессоровъ и доцентовъ церковно-историческаго отдѣленія Академіи двѣ пробныя лекціи—одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію комиссіи.

Къ соисканію каѳедры, по § 45 уст. духов. Академій, допускаются только лица православнаго исповѣданія.

По штату Высочайше утвержденному 30 мая 1869 года, въ Академіи ординарному профессору полагается 2.400 р. жалованья, 300 р. столовыхъ и 300 р. квартирныхъ; экстраординарному 1600 р. жалованья 200 р. столовыхъ и 200 р. квартирныхъ; доценту 900 руб. жалованья, 150 руб., столовыхъ и 150 руб. квартирныхъ.

Ординарнымъ профессоромъ, по § 46, уст. дух. Акад., можетъ быть только имѣющій степень доктора. Имѣющіе степень магистра могутъ быть доцентами и экстраординарными профессорами.

Справка. По уст. дух. Акад. § 88. Лит. А. п. 4 утвержденіе программъ на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ въ Академіи предоставлено общимъ собраніямъ Совѣта Академіи.

Постановлено: Программу конкурса для занятія вакантной каѳедры всеобщей гражданской древней исторіи утвердить.